

СЕМИЗЕРЬЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

КНИГА ВТОРОЯ

СЕМИЗЕРЬЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

№ 8

КНИГА ВТОРАЯ

Для детей
среднего школьного возраста

Кадуй
2018

Ответственная за выпуск

А.К. Тюхтина.

Редакционный совет:

Г.Н. Громцева, М.В. Гусева, А.К. Тюхтина.

Художник

Екатерина Ивлева.

Макет -

Александр Дудкин.

Семизерье для детей. Альманах. Книга вторая. – Литературно-художественное объединение «Семизерье», Кадуйская детская библиотека, пос. Кадуй Вологодской области, 2017 г. – 156 с.

Формат 60х90/16. Тираж 100 экз.

(с) Коллектив авторов, 2018 г.

Нина Баруздина

ЛИСИЧКИН ГОСТИНЕЦ

Война шла уже где-то далеко от нас, но её дыхание по-прежнему остро ощущали все, особенно мы, дети. Не по-детски серьёзные, вытянувшиеся мордочки, большие животы от постоянного употребления травы, тонкие ручки и ножки, одежда не по росту, делали нас похожими на маленьких лесных гномиков. Но не это было самое страшное. Мы постоянно хотели есть.

Хлеб, большей частью состоявший из лебеды или головок клевера вместе с отсевками муки, не лез в горло, и суп или щи я хлебала «голью», то есть без хлеба и эта привычка сохранилась у меня на всю жизнь.

Через день к нам заходила тётя Шура, молодая и очень живая девушка. Она работала в школе военруком и приносила мне кусочек настоящего хлеба из лавки. Я всегда её поджидала в это время дома. Когда я её спрашивала, где берут такой вкусный хлеб, она, смеясь, отвечала:

- Это лисичкин гостинец.

Я старалась растянуть удовольствие, насколько это было возможно, но хлеб так быстро исчезал, как будто приснился. Тётя Шура была для меня сама доброта, праздник.

Только много позднее, тогда я уже пошла в школу, узнала, что это мама посылала мне свой паёк с тётей Шурой, так как у неё уроки кончались раньше.

ЛЕДЕНЦЫ

Осень наступила быстро. Снегу долго не было, хотя мороз уже давно заковал землю в непробиваемую броню, лужи промёрзли до дна и поблескивали под солнцем осколками льда. Мы только что проводили на войну дядю Мишу.

Вдруг через два дня, как снег на голову, он является домой, говорит, что ещё не дорос и из вещевого мешка достаёт кулёчек леденцов:

- На вот тебе, насобирал, пока шёл от Фанерного.

Они и правда были похожи на разломанные сосульки. Такие же светлые и прозрачные с чуть гранёными боками. Так как дядя Миша был большой проказник, то я не поверила, что это конфеты, пока не лизнула. Леденцов оказалось до ужаса мало, и кулёчек в один миг оказался пустым. Ещё бы хоть чуток!

И мы с задушевной подружкой Валькой отправились к Фанерному искать леденцы. Шли мы медленно, потому что разбитых луж было много, и издали каждая манила целыми россыпями леденцов.

Но, подойдя ближе и порывшись в ледяных остатках, мы всё больше убеждались, что здесь уже до нас кто-то побывал и собрал все леденцы. Нет, нам надо было идти с утра, пораньше. А может, дальше к Фанерному ещё не успели собрать? И мы шли и шли, всё ещё надеясь на чудо, пока тётя Галя, возвращавшаяся с Фанерного, не сказала, что и там она леденцов не встретила и не вернула нас домой. А, потом она долго стояла у наших

ворот, и стыдила дядю Мишу. Мол, что он, такой дубина, обманул каких-то маленьких девчонок, и что такого обормота надо самого послать на Фанерный искать леденцы.

Мы потом ещё раз ходили их искать, пока все ледяшки не занесло снегом, но так и не нашли леденцов.

СЕМЕЧКИ

Один раз к нам в деревню привезли семечки. Много мешков свалили в колхозной кладовой и объявили, что будут давать их на заготовки мяса, молока, яиц.

У нас с бабушкой было только две курицы и семечки можно купить на яйца. За одно яйцо давали стакан настоящих, подсолнечных семечек, чёрных с белой каёмочкой и таких вкусных! Но где взять яйцо?

Бабушка мне строго-настрого наказала из-под Белянки, которая уже третью неделю сидела на яйцах, и из них вот-вот должны были появиться цыплята, яиц не брать.

Но вот, если я найду гнездо Пеструшки-паруни, которая опять несёт яйца неизвестно где, то можно будет и семечек купить.

Я принялась усердно искать гнездо, облазила все закоулки, но найти было не так-то просто. Мама-курица умела прятать своих будущих птенцов. А семечек так хотелось! И я решила взять одно яйцо у Белянки. Ведь я потом обязательно найду гнездо Пеструшки и положу одно

яйцо Белянке, чтобы бабушка не заметила, я несколько раз прошла мимо Белянки, как будто она мне и не нужна, ленула водички в кормушку и стала ждать. И только Белянка соскочила с гнезда, чтобы попить, как я схватила одно яйцо, спрятала его на груди, и, что есть сил побежала искать кладовщика тётю Пашу, чтобы обменять яйцо на семечки.

Тётя Паша посмотрела на солнышко через яйцо и сказала, что оно порченное.

- Да какое же оно порченное! Оно самое свежее, из него у Белянки завтра бы цыплёночек появился! - выпалила я одним духом.

Удивительный это человек - тётя Паша!

Ничего больше не расспрашивая, она положила свою натруженную мужскую ладонь на мою белобрысую головёнку и тихонько, будто нас кто мог подслушать, сказала:

- Яйцо быстренько положи в гнездо, пока не остыло, из него ещё цыплёночек выйдет, да держи крепче свой передник», - и она высыпала в него целый стакан семечек.

И оттого, что тётя Паша всё поняла и не ругала меня, и оттого, что она пожалела меня, насыпав в передник семечек, и оттого, что только сейчас до меня дошёл весь неприглядный смысл моего поступка, мне вдруг стало ужасно стыдно. Я покраснела, и слёзы горохом посыпались на горькие семечки.

- Тётя Паша, возьмите их обратно, только бабушке ничего не говорите. Я обязательно найду гнездо Пеструшки-паруны и приду к вам за семечками.

Со всех ног я бросилась бежать домой, чтобы скорее положить яйцо в гнездо, пока не остыло, но не смогла ловко пролезть через дыру в заборе и шлёпнулась на мягкую траву.

- Это меня боушко наказал.

Я боялась пошевелиться и лежала, закрыв глаза, проклиная тот миг, когда я решила взять яйцо.

Но яйцо чудом сохранилось, откатившись чуть в сторону. Я осторожно взяла его в руки, осмотрела со всех сторон (целое!) и, засунув его за пазуху, тихонько полезла на сарай. Белянка грозно закудахтала, я ей показала целое и невредимое яйцо и стала уговаривать ее не сердиться на меня:

- Я только положу и уйду.

Но курица всё-таки больно долбанула меня в голову.

На другой день я усердно стала следить за Пеструшкой. Целый день сидела во дворе, наблюдая за ней и, когда она снова полезла под пол амбара, догадалась, что гнездо у неё там. Под амбар я залезть побоялась, а вдруг там ещё кто есть, и когда пришла бабушка, мы вдвоём достали из гнезда больше десятка яиц.

Бабушка дала мне два яйца, и я довольная побежала к тётё Паше, которая тот час же насыпала мне в подол передника два стакана аппетитных семечек. Домой я шла гордо и медленно, чтобы все видели, какой ценный груз я несу.

ПРЯНИКИ

Когда железные планки запоров с грохотом ударились о крыльцо, мы знали - это открывается наша лавка, и бежали туда, отрываясь от своих детских игр.

Запах хлеба, керосина, мышей ударял в нос, но здесь пахло ещё чем-то вкусным, а значит, опять привезли эти розовые круглые подушечки под названием «пряники». Их почему-то никогда не выставляли на витрину, они всегда лежали в ящике, подразнивая нас своими розовыми боками и необыкновенным запахом. Когда и кто их покупал, мы не видели, так как денег в колхозе ни у кого не было. Но мы приходили ежедневно полюбоваться ими и, навалившись на прилавок, с аппетитом вдыхали их ни с чем несравнимый запах, пока продавец тётя Валя не прогоняла нас.

А мы, опьянённые запахом лавки, усаживались на лужок и мечтали:

- Вот кончится война, придёт тятя домой, и купит мне целый кулёк пряников.

- А мне - целых два кулька.

- А мне - ящик!

Но вот кончилось война, не у всех вернулись домой отцы. И мы выросли. Покупаем и едим белые и розовые обыкновенные пряники, и их запах уже не кажется необыкновенным. Есть и получше лакомства!

И можем купить их целый кулёк или два, или даже целый ящик. А я всегда думаю:

- Вот тогда бы!

Владимир Борисов

ПРО КЛЮКВУ

Нынче много клюквы на болоте,
Три ведра набрал я не спеша.
Если руки-ноги при работе,
Отдыхает, радуясь, душа.
С детских лет душа простору рада,
Рада клюкве — золоту болот.
Клюква ей милее винограда,
Хорошо, что не наоборот.
Хорошо, что в крике журавлином
Слышится ей Родины привет,
Что на этом вот болоте клином
Для нее сошелся белый свет.

Владимир Борисов

ЛЕГЕНДА О БОЛОТНОМ ЦАРЕ ПЯТУНЕ И ЕГО ДОЧЕРИ...

*Живо в Кадуе поверье,
Будто сотни лет не зря
Царствует на Семизерье
Дочь болотного царя.*

Давным-давно наша местность была морем. За тысячи лет море превратилось в болото. Кадуй - низкое место. И в те далёкие времена здесь царствовал Болотный царь по имени Пятун. Вотчиной его была Семизерская часть - болото, на котором до сих пор живёт дух болотного царя. Кто проходил по трясинам болота, тот знает, как дышит в пучине дух Пятуна, как он пытается затащить в трясины путника за пятку. Говорят, что Пятун был несказанно богат природными дарами и просторами и потому щедро дарил их и птицам, и зверям, и людям. Ходил он задом наперёд, то есть пятился, уступая свои просторы и ягодники всем, кто ему кланялся.

Но однажды он встретил человека, который шел по болоту с гордо поднятой головой. Безумец не желал поклониться царю Пятуну, на что царь тут же перестал пятиться, да так, что они столкнулись лбами, и в с хватке оба погибли, провалившись в трясины болота. Из того места теперь течёт река Петух, это по-современному, а раньше она называлась Пятун - в честь болотного царя.

Рассказывают, что весной река текла вспять, к месту гибели Пятуна, что это по велению его дочери, лягушки, которая таким образом чтит память о своём отце.

Лягушка-царевна и сегодня обитает в болотах Великой Семизеркой чисти. Днём её никто не встречает, так как она очень пуглива из-за своей внешности. Она унаследовала отцовский характер, и всегда уступает свои просторы и дары природы людям, завидев которых спешит укрыться где-нибудь в урочище. Кое-кто, правда, её встречал, злетав врасплох, но об этом предпочитают помалкивать.

Или рассказывают, что видели-де лягушку необыкновенной красоты с большими карими глазами. Будто бы ночью она становится молодой, прекрасной царевной-девушкой в зеленом сарафане, со светлой короной в виде лилии-цветка на прелестной головке. Но кто же ходит ночью на болото, чтобы посмотреть на царевну-лягушку? Вот и приходится верить тем, кто, случайно заблудившись, всю ночь бродил по болоту, а увидав Царевну-лягушку, находил путь к дому.

Много чего всякого-разного рассказывают охотники ходить по ягоды, по грибы, или порыбачить на семизерских озёрах о болотной лягушке, но, однако, все сходятся на том, что увидеть Дочь болотного царя - большое счастье. Она приносит удачу. Молодожёны от посещения её царства остаются верными супругами на всю жизнь, дары природы её необъятного царства исцеляют многие недуги, продляют молодость и отодвигают старость, заряжают оптимизмом и желанием изменить свою жизнь к лучшему. Бывалые рассказывают, что до встречи с Ца-

ревной-лягушкой, они жили скучно и серо и не верили в чудеса. Но всё изменилось после встречи с ней.

Кто побывал на Семизерской чисти и набрал ведро краснощёкой морошки либо сладкой клюквы-ягоды, кто поймал в семизерских озерах окунишек на добрую уху, кто ночевал в избушке на берегу небольшого озёрка и встретил там восход солнца, тот навсегда сохранит в душе эти прекрасные мгновения жизни и будет верить да и другим рассказывать, что сказка живёт рядом с нами.

Татьяна Гоголина

ДЕДУШКИН ЛЕС

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ

Когда мы с сестрёнкой немного подросли, мама нам ленточки подарила, чтобы мы сами косы заплетали, бантики завязывали. Мне — голубую, а сестрёнке Вале — красную. Крутится Валя перед зеркалом, любитесь малиновым бантом, а дедушка смеётся:

— А у меня ещё красивее бантики есть!

Мы удивились.

— Какие? Покажи, дедушка.

— Можно и показать, коли со мной в лес пойдёте.

На другой день повёл нас дедушка в свой лес, за которым ухаживает. Он — лесничий. Как пройдёт по лесу в форме и фуражке — сразу видно: он тут хозяин, за всем доглядит, всё приметит. И нет такой лесной загадки, которую бы дедушка не разгадал.

На опушке подвёл он нас сперва к молодым тополькам, присмотрелся, тронул тополиную веточку, и с дерева вспорхнула большая бабочка. Мы её сначала и не заметили, потому что её передние крылышки, серенькие с голубым, были украшены волнистыми линиями и сливались с корой дерева. Но зато задние — яркие. Они чёрным отливали, и по краям их как будто кружева, а посередине широкие голубые ленты-перевязки.

— Красиво? — спросил дедушка.

— Ещё бы! — согласились мы.

— Зовут эту красавицу голубой орденской лентой. Живёт она не только на тополях, но и на ивах, на осинах, на берёзах. Есть и малиновая орденская лента. Иначе этих бабочек называют ленточницы.

— А малиновая бабочка какая? — спросила Валя.

— Да вот же она! — воскликнул дедушка.

— Любуйтесь.

На опушке кружилась бабочка чуть поменьше. Кружев у неё, правда, не было. Зато передние бурые крылышки тоже волнами разрисованы, а задние, малиновые, с двумя чёрными перевязками.

Мы полюбовались, как рдеет яркая бабочка в тёплом июльском воздухе, всё дальше и дальше улетая от нас.

— Хорошо бы поймать! — вздохнула сестренка.

Дедушка нахмурился.

— Зачем? Если ты её поймаешь, потрогаешь за крылышки, за хоботок, за усики, бабочка уже летать не сможет! Крылышки обтреплются и станет одной красавицей меньше. Погибнет она. А вдруг это последняя такая бабочка?

Валя опустила голову. Дедушка никогда нас не ругал и не стыдил, но объяснял всё так, что поневоле становилось стыдно за свои необдуманные слова и поступки.

— Не может быть, чтобы последняя, — возразила она.

— Ещё как может! — покачал головой дедушка.

— Многие виды бабочек раньше радовали людей,

а теперь исчезли. И никто никогда их больше не увидит.

Мы подумали и пообещали:

— Знаешь что, дедушка, мы больше не будем ловить бабочек и трогать их руками.

— Вот и умницы! За это я покажу вам медведицу госпожу. У моей медведицы нет ни зубов, ни когтей. Самы увидите.

Мы прошли немного лесом и вышли на полянку. Много росло на ней голубых незабудок, жёлтых лютиков, горели синим цветом синюха и бордовым — смолка. Дед велел нам ждать. Мы сели на пенёк. Ждать пришлось недолго.

— Глядите, глядите, вот она, медведица госпожа, — шепнул дедушка.

Над поляной летала крупная бабочка, больше чем этикетка от спичечной коробки.

— Опять бабочка, — огорчённо сказала Валя. — А говорил: медведица. Я думала, что-нибудь интересное.

— А разве бабочки неинтересные? — удивился дедушка.

— Вон какие у неё крылышки. Передние — коричневатые, а по ним беленькие да жёлтенькие пятнышки рассыпаны. И каждое пятнышко — наособицу. Задние — как кумач и тоже чёрными пятнышками как каёмочкой обведены. Грудка в жёлтых полосках, а брюшко красное и чёрной чёрточкой перечёркнуто.

— Почему же тогда её медведицей зовут? — спросила я.

— А вот послушайте!

И дедушка рассказал нам сказку:

— Жила-была в лесу добрая медведица. Кто её ни попросит — всем поможет. Заяц ли лапку подвернёт, глухарь ли камешком подавится — вылечит. Понадобится бобру дерево спилить, чтобы запруду сделать, — она как нажмёт, сразу дерево повалится.

Выследил однажды медведицу злой охотник. Прицелился в неё из ружья. Да, по счастью, жил в том лесу добрый волшебник. Он всех выручал из беды. Спас и медведицу: превратил её в бабочку. Протёр злой охотник глаза — нет медведицы. Только бабочка порхает. С того времени и летает она в лесу, живёт на цветах незабудках, чтобы звери её не забывали. Так что незабудки вы не рвите: бабочке-медведице жить негде станет. Я задумалась: отчего это бабочек стало меньше? Может быть, потому, что их ловят? Жуки вот никому не нужны, так их много. Чуть не под каждой травинкой. Когда я сказала об этом дедушке, он мне ответил:

— Ошибаешься, Таня. Многие жуки тоже стали редкими. Например, жук-олень.

— Какой он, расскажи! — попросила Валя.

— Помните, мы с вами книжку читали. Про маленьких человечков гномиков, которые жили в лесах?

Валя кивнула. Все истории про чудесные превращения из читаной-перечитанной книжки с яркими картинками и замечательным названием «По дорогам сказки» она знала чуть ли не наизусть.

— Так вот, — продолжал дедушка.

— В незапамятные времена, когда гномов было много, эти жуки-олени служили им для того, чтобы быстрее добраться куда

нужно. Когда гномам хотелось попутешествовать, они запрягали жуков-олений в маленькие повозки. Ведь жуки эти и впрямь на оленей похожи! Челюсти у них с ответвлениями, как рога, а сами они чёрно-коричневые.

— Покажи нам скорее такого жука! — сказала Валя.

— Показал бы, — вздохнул дедушка.

— Да где теперь его увидишь? Похоже, в наших местах жуки-олени уже не встречаются. Погубили их люди!

— Как погубили? Зачем? — спросили мы.

— Очень просто, — дедушка присел рядом с нами под раскидистой берёзой.

— Есть у леса враги. Крошечные, но очень опасные. Насекомые-вредители. Лес для них — и стол, и дом. Набрасываются разные гусеницы, короеды, точильщики на беззащитные растения и едят поедом всё, что могут: кто — семена и плоды, кто — листья, кто в древесину вгрызается, ходы в ней проделывает. Эти захребетники способны уничтожить целые гектары леса. Что же делать? И придумали люди насекомых-вредителей ядом травить. Но вот беда: вместе с вредными погибают и полезные насекомые, птицы и даже животные. Ведь отравы — для всех отравы.

— А можно такой яд придумать, чтоб для одних вредителей только? — спросила я.

— Очень трудно, — ответил дедушка, — а если подумать, то и не нужно.

Я удивилась.

— Как же не нужно? Ты же сам говорил, что вредители очень прожорливы. А если они весь лес съедят?

Что тогда будет?

Вдруг Валя подняла ладошку и как закричит:

— Божья коровка! Смотрите, божья коровка!

Она поймала маленького красного жучка с чёрными пятнышками на спинке.

— А ну-ка посчитай, сколько у неё пятнышек? — спросил дедушка.

— Один, два, три, четыре... Семь, дедушка!

— Так и есть! Вот она, самая замечательная защитница леса. Ведь насекомые, которые леса портят, не только яду боятся. Есть и у них страшные враги. Много неприятностей нам доставляют крошечные тли. А эта божья коровка может в день двести тлей слопать и хоть бы что, только здоровее будет. Вот какой у неё аппетит!

— Дедушка, а почему божью коровку коровкой зовут? — спросила сестрёнка. Она, наверное, ожидала услышать новую сказку, но дедушка объяснил просто:

— У неё тоже свои недруги есть. Как почувствует она опасность, на сгибах ножек появляются капельки пахучей жидкости — молочка. Это молочко отпугивает врагов. Ну а раз она молочко даёт, как её назвать? Конечно, коровкой.

— А почему она меня своим молочком не отпугивает?

— Ну сама посуди, как она, такая маленькая, может напугать тебя, такую большую? Нет, против человека и ядов божья коровка бессильна. Вот и надо нам о ней позаботиться.

И тут я такое придумала, что даже в ладошки захлопала.

— Дедушка! Дедушка! А я знаю, как надо сделать, чтобы ни жуки, ни бабочки от отравы не погибали, а лес был жив-здоров.

Дедушка лукаво прищурился.

— Как?

— У вредных насекомых есть враги, которые их губят. Вот как божья коровка, верно? Надо вместо ядов этих защитников леса разводить!

— Молодец! — одобрительно засмеялся дедушка.

— Хорошо придумала. У каждого насекомого- вредителя действительно есть свой враг. Например, колорадских жуков, которые картошку и помидоры поедают, уничтожают жужелицы. Со многими лесными вредителями сражаются рыжие муравьи. Но выращивать полезных насекомых очень трудно.

Валя нас уже не слушала. Она принялась бегать по полянке, поднимая желтоватое прозрачное облачко цветочной пыльцы.

Вдруг она остановилась.

— Ой, дедушка, а это что такое?

Мы подошли и видим: лежит на земле клубок серых ниток, будто его только что бабушка из рук выронила. Вылетела из него большая мохнатая муха и сердито жужжала:

— Большие ж-ж-жуки приш-ш-шли! Большие ж-ж-жуки приш-ш-шли!

— Это шмелиное гнёздышко, — объяснил дедушка.

— Не трогайте его! Никогда не убивайте шмелей, не разоряйте их гнёзд. Шмели — труженики. Они целый день в заботах. В этом гнёздышке в восковых колыбель-

ках лежат шмелиные детки. Малютки очень боятся холода. Вот поэтому взрослые шмели греют их по очереди своей мохнатой шубкой. А сколько корма нужно потомству!

— Они тоже жучками и тлями питаются? — спросила Валя.

— Нет, конечно, — ответил дедушка, — шмели собирают цветочный сок нектар и пыльцу. Тем и кормятся.

Я-то знала, что шмели — не хищники. Своим длинным хоботком они легко высосут из цветка нектар, но никакую мошку поймать не смогут.

— Хотите, я вам расскажу, как шмель клевер спас? — спросил дедушка.

— Конечно! — обрадовалась Валя.

И дедушка рассказал нам такую сказку:

— Летал один мой знакомый шмель на клеверный луг деткам своим пропитание добывать. Вдруг видит: заболел клевер, листочки никнут, цветы засыхают. Видимо, поселился на лугу какой-то вредитель. Погубит он клевер! Что делать? Полетал шмель над лугом, погудел, а помочь горю не может. Он — не лекарь, он — добытчик. Пospешил тогда шмель к санитарке божьей коровке. Просит: так, мол, и так, выручай. Божья коровка и рада бы выручить, да ничего у неё не получается: ползает туда-сюда по цветкам, а до вредителя добраться не может. Ротик-то у неё мал! Вспомнил тут шмель про того, у кого рот большой, челюсти крепкие. Про голубую стрекозу. Полетел к речке. Там стрекоза кружилась в танце, ловила мошек и комариков. Сцапает — и поминай как звали. Хватка-то у неё мёртвая, ловкость отменная. Настоящая

охотница! Рассказал шмель стрекозе про несчастье, полетели они на луг. Клевер там совсем поник. Видит стрекоза, что дело плохо, закружилась над цветами, хватается ртом воздух, а толку мало. Насекомых она ловит только на лету, иначе не умеет. Значит, и она не помощница. Полетел тогда шмель в мой сад, прожужжал мне на ухо, что клевер погибает. Я, не мешкая, поспешил на выручку. Вижу, побурели многие клеверные головки. Поселился в них злодей-семеед. Это — страшная напасть. Я вырвал больные растения и сжёг их. Другого выхода не было. Если б ещё день повременить, ничем бы не помочь: болезнь зашла бы слишком далеко. Наведывался я потом и не раз на этот луг. Не сразу он поправился, запестрел и зазеленел по-прежнему. Если б не шмель, не миновать беды. Но главная заслуга шмелей в том, что они растения опыляют.

— Как опыляют? — спросила Валя.

— Посмотрите внимательно. Видите два одинаковых голубых колокольчика. Один расцвёл вон у той берёзки, где мы с вами сидели, а другой — перед нами. Чтобы эти цветы семена для будущего лета оставили, надо взять с одного цветка немного пыльцы и перенести на другой. А кто это станет делать? Если мы с вами задумаем пыльцу с цветка на цветок переносить, за день умаемся, а сделаем совсем немного. Зато для шмеля такая работа — одно удовольствие. Сядет он на один цветок, чтобы добыть малюсенькую капельку нектара, потом летит на другой, а к лапкам пыльца прилипает. Вот так и опыляют шмели растения, чтобы будущим летом мы с вами вновь увидели цветущие луга и полянки.

Кроме того, у них очень вкусный мёд.

— Правда? Вот бы попробовать!

— Теперь уж не попробуешь. Шмелей становится с каждым годом всё меньше. А раньше, лет сто тому назад, люди даже пасеки шмелиные устраивали, вдоволь шмелиным мёдом лакомились.

Воздух неожиданно посвежел, по небу заходили тучи. Оборвалась весёлая песенка зяблика: фить-фить-фить... пиньк-пиньк-пиньк... И вдруг кто-то словно зарычал в листве: ры-ры-р!

— Дождик собирается, — сказал дедушка.

— Об этом нас зяблик предупреждает, он как будто сердится на погоду, недовольно рычит. Давайте-ка домой пойдём!

На обратном пути, в перелеске, мы увидели, как какая-то маленькая мушка летала над удивительно красивым цветком. Стебель у цветка был высокий, лепесточки красновато-бурые, как бантики, а сам цветок желтоватый, покрытый красными крапинками. На башмачок похож.

— Смотрите! Мушка цветок опыляет! — воскликнула Валя.

— Правильно! — ответил дед.

— Цветы опыляют не только шмели, но и пчёлы, осы, бабочки и многие другие насекомые. А растение это — венерин башмачок. В народе такие цветы называют просто — чуни. Да тут много венериных башмачков, но на стебельках цветов ещё нет. Они появляются не сразу, а лет через 15—17 после того как растение взойдёт.

— А как называется эта мушка? — спросила я.

— Этого я не знаю, — ответил дед.

Мы удивились. Дедушка всегда давал нам точный ответ на любой вопрос и вдруг не знает какую-то маленькую мушку! Да быть такого не может! В своё оправдание он сказал:

— Нет такого человека, который бы знал всех насекомых. Их на земле во много раз больше, чем всех других живых существ, вместе взятых. Многие насекомые не изучены и не описаны. А ведь они делают нужное и полезное дело. Вот как эта мушка, например Венерины башмачки опыляют не так-то легко. Шмели для этого дела не годятся. Их хоботок слишком короток и толст. Так что маленькая мушка помогает уцелеть редкому и капризному растению. Вот если вырубят на этом месте лес, то и яркие башмачки исчезнут. А если за десять лет лес не поднимется вновь, башмачкам здесь не цвести уже никогда. Почва им нужна лесная, увлажненная, не такая, как у нас в посёлке.

Вот какой удивительный, прямо сказочный, дедушкин лес! И земля-то здесь особая. Любую травинку, любого жучка возьми — своя у них история, своя ни на что не похожая жизнь.

Комар у лица вьётся, птички на дереве пересвистываются, а ещё дальше, в самой глуши, живут рыси, медведи, зайцы, лисы. И для всех их лес — дом родной

ГРИБЫ-ГРИБОЧКИ

Дедушка учил нас не только распознавать травы, насекомых, птиц, зверей, но и находить грибы и ягоды.

Пойдём мы с ним в лес, забредём в молодой ельнике, а дедушка и спросит, лукаво прищурясь:

— Ну-ка, какие грибы тут растут?

— Рыжики! — отвечаем мы.

И действительно, у мшистых кочек, на заросших травой полянках — видимо-невидимо рыжиков.

— Так-то! — довольно усмехается дедушка.

— Угадать, какой гриб где прячется, совсем не трудно, если знать, что каждый из них свои места любит, селится там. Вот царь грибов, белый, например, любит старый бор с высокими, гордыми, много повидавшими на своём веку деревьями. Маслята — тоже ребята с характером. Не желают они расти на топких, болотистых местах в соседстве с ярко-красной клюквой. Прячут свои шляпки в белых, словно кружевных лишайниках среди мелколесья. А почему подберёзовики и подосиновики так называются — любой сообразит.

— Потому что они растут под берёзами и под осинами, — догадывается Валя.

— Сама видела. Вот ведь какие грибы умные! Знают, где им лучше расти.

Бывает, конечно, что грибы ошибаются и вырастают совсем не там, где им положено.

Вышли мы как-то с Валею из дому с корзинками, чтоб к ужину грибов набрать. Видим: скромно притулился у пенька сам царь лесных грибов — боровик. Надо

же! Вырос не на бору, а в двух шагах от дома.

— Мой гриб! — тут же заявила Валюша.

— Я его первая увидела.

— Увидели-то мы его обе... И какая разница... — попыталась возразить я, но Валя меня перебила:

— Ничего себе, какая разница! Эдак ты с полной корзинкой домой придёшь, а я и полкорзинки не насобираю! Кто первым увидел гриб, тот его и берёт!

Я не стала спорить. Вспомнила, что в эту пору боровики растут не в одиночку, а семьями. Пока Валя любовалась находкой, я оглядела дорожку, заваленную порыжевшими хвоинками, пеньки и обнаружила целую царскую семью белых грибов. Один, два, три, пять, восемь! И все крепенькие, маленькие, как на подбор. Так-то, пусть Валя не задаётся. А задаваться она и не думала, только порадовалась моей удаче.

Валя долго рассматривала грибы, а потом и спрашивает:

— А почему у них шляпки такие?

— Какие?

— Странные какие-то. Не такие, как у других боровиков. Может, это вовсе не боровики, а поганки? Помнишь, дедушка нам говорил, что ядовитые грибы умеют притворяться съедобными.

Шляпки грибов были действительно необычного ярко-коричневого цвета, да и ножки снизу вздутые.

— Вот что,— подумав, ответила я.— Пойдём у дедушки спросим. Выбрасывать жалко. Вдруг да это всё-таки боровики.

Мы побежали к дедушке. Он, взглянув в наши кор-

зинки, одобрительно сказал:

— Молодцы! Нашли замечательные грибы.

— Белые? — спросила Валя.

— Да. Это — желтеющие белые грибы. Очень вкусные.

Валя обрадовалась.

— А мы их хотели выбросить. Думали, что это поганки.

— Ну и зря! — сказал дедушка.

— Знайте в другой раз, что у белого гриба много родственников. Среди зарослей можжевельника, в ивняке часто растут белые грибочки в светло-серых шапочках. Мякоть у них плотная и душистая, а нижний слой шляпок тонок, поначалу он белый, потом, с возрастом, становится зелёным. Боровики, что растут в ельнике, светлее и выше берёзовых. Ножки у них подлиннее и потолще, а шляпки светлокаштановые или жёлто-бурые. В сосняке свой белый гриб. Ножка у него толстенькая и крепкая, как пенёк, а шляпка тёмная, почти чёрная. Он — одиночка, горьковатый на вкус.

Я постаралась всё это запомнить, чтобы не проходить мимо самых вкусных в лесу грибов.

А из тех белых, что мы тогда нашли неподалёку от дома, мама сварила замечательный суп.

Грибы не только чудесное кушанье, но ещё, оказывается, и лекарство. Об этом я узнала совершенно случайно. Рвала я у болотца траву для нашей коровы Ринки и порезала руку острой осокой. Пошла кровь. В таких случаях надо приложить к ране лист подорожника, а его-то как на грех не оказалось. Мне на помощь пришёл дедуш-

ка. Он сорвал мягкий и прохладный гриб-дождевик и приложил его к порезанному пальцу. Я даже удивилась: боль как рукой сняло, и кровь перестала капать. Вот он какой дождевик! Лучше любого пластыря и йода.

Да что там дождевик или незаменимое лекарство от многих недугов гриб-чага! Всем привычные сыроежки и те лечат! Не всякие, правда, а только такие, у которых шляпки пурпурные или фиолетовые. Помогают от лихорадки и воспаления. Болела я прошлым летом ангиной, дедушка меня кормил жареными сыроежками. Вместо таблеток.

— Даже ядовитый-преядовитый мухомор — средство от ревматизма и радикулита, — учил нас дедушка.

— Так что в лесу рвать и пинать без толку ничего нельзя. Грибы, для нас ненужные и опасные, иным лесным зверям — и лакомство, и лекарство. Посмотрел, полюбовался — и ступай дальше.

А полюбоваться порою есть чем! Увидели как-то раз мы с Валею в тёмном ельнике настоящий грибной хоровод. Мухоморы в ярких молниях-шапочках с белыми пупырышками выстроились вокруг высокого пня. Встали ровнёхонько, в круг. И сами все ровные, как на подбор. Стоят как малыши в детском саду вокруг новогодней ёлки.

— Это — ведьмино кольцо, — вспомнила я.

Валя насторожилась: в полумраке среди замшелых стволов и тёмно-зелёного черничника красавцы-мухоморы выглядели и впрямь сказочно. Уж не посеял ли их кто-то здесь?

— Ведьмино? — переспросила она.

— Если ведьм нет, откуда тогда ведьмины кольца?

— Ведьмы тут совсем не при чём. Название такое потому люди придумали, что казалось им: не обошлось тут без нечистой силы. Говорят ещё, что там, где в землю ударит, появляется такое ведьмино кольцо. Только это неправда. Дедушка рассказывал, что грибница срастается с корнями дерева, вот и стоят грибы хороводом. Кольцо год от года разрастается. Так растут не только мухоморы. Многие другие грибы — тоже.

Думаете, грибы только в лесу растут? Вот и я раньше так думала. Но недавно нашли мы их там, где вовсе не ожидали.

Говорит мне Валя:

— А у нашего дома в колодце водяной живёт. Сама видела! Глаза горят, борода зелёная, волосы длинные, тоже зелёные.

Откуда быть в заброшенном колодце водяному, если там и воды-то почти не осталось.

Заглянули мы в колодец. Конечно, никакого водяного я там не увидела, но по стенкам колодца вились какие-то длинные зелёные нити, и в самом деле похожие на волосы.

Мы позвали дедушку. Взглянув на стенки колодца, дедушка рассмеялся. Смеялся он долго и при этом повторял:

— Ну грибники! Ну лесные следопыты! Ну придумали! Не водяной это, а домовый. Да-да, домовый!

Валины серые глаза округлились от удивления: домовый-то в колодце откуда?

— Гриб это, — сказал дедушка.

— Домовой гриб. Название у него такое. Растёт он не только в колодцах, но и в старых амбарах, на трухлявых пнях. Любит он влажную древесину. Шляпка у него тёмно-бурая. Когда гриб состарится, из-под неё тянутся зелёные нити. Такая уж у него особенность. В грибном царстве-государстве есть множество диковинок и поинтересней. Грибы ведь разные бывают. Одни — как шар, другие — как конское копыто. Их с чем угодно можно спутать. И где их только нет: и на земле, и под землёй, и в воде, и на полусгнивших растениях.

Валя не ожидала, что объяснение окажется таким простым и совсем не сказочным. А я зарисовала домовый гриб и навсегда запомнила, как он выглядит, чтобы в другой раз впросак не попасть.

— Это хорошо, что вы держите глаза и уши открытыми, всё примечаете, обо всём спрашиваете, — ободрил нас дедушка, — Лес равнодушных не любит.

ОХОТА ЗА ЧУДЕСАМИ

У дедушки никогда не было ружья. Он не стрелял на бору рябчиков, не охотился за зайцами зимой, не подкарауливал уток по осени, как делали другие наши знакомые. Никогда не объяснял он, почему не любит охотиться, но я-то знаю: очень не хочется ему убивать лесных зверей и птиц.

Но на охоту мы с ним всё же ходили. Только это была особая охота. За чудесами. Мы отправлялись далеко, километров за десять от дома. Было у нас такое соревнование: кто больше заметит лесных чудес, отгадает зага-

док. Надо ли говорить, что победителем всегда выходил дедушка. Но и я оставалась внакладе: за день столько увижу и узнаю, сколько в иное время не узнать и за месяц.

Ранним утром дедушка придирчиво проверил мою одежду и обувь: не протекает ли дождевик, целы ли сапоги. Путь-то предстоит неблизкий.

— Ну как? Еды-питья припасла? — спросил он.

— Соль и спички не забыла? Пойдём мы нынче туда, где ты ещё не бывала. Что увидишь — запомни, а потом — запиши. Пригодится. Лес-то что ни день — новый. И год на год не приходится.

Сестрёнку мы не брали: мала она для таких походов, на целых два года младше меня. Конечно, Вале было обидно, но что поделаешь.

Охота за чудесами началась прямо от порога дома.

Первое чудо заметила я.

— Дедушка, смотри, сколько паутинок на иван-чае вдоль дороги. Какие они красивые, серебристые, словно светятся изнутри. Отчего?

Очень просто,— ответил дедушка.

— Это роса так серебрится и светится.

— Высокий розовый иван-чай уже отцвёл. Белые пушинки с семенами разлетаются вдоль дороги, чтобы следующим летом вновь выросли и распустились красивые цветы.

А мимо следующего чуда я чуть было не прошла. Дедушка остановился и говорит мне:

— А ну-ка посмотри сюда! Какая красавица!

Я думаю, увидел он ёлочку небывалой красоты или

ягоду какую-нибудь. Смотрю и вижу: под кустом гадюка лежит, греется на осеннем солнышке. А оно нежаркое, ласковое.

— Давно не видал такого, чтобы змеи в октябре на солнышке загорали,— тихо проговорил дедушка.

— Обычно в это время они в клубок совьются, чтобы теплее было, и заберутся спать под корягу или в яму. На всю зиму. Видимо, осень будет долгой и тёплой. Гадюки это чувствуют.

— А она не укусит? — спросила я, хотя гадюка вовсе не собиралась нападать.

— Нет, конечно,— ответил дед.

— Не надо только её тревожить. Плохо поступают те, кто набрасывается на змей с палками, убивает их. Змеи, даже и ядовитые, всё равно полезны: грызунов уничтожают.

Мы оставили в покое гадюку и потихоньку, стараясь не шуршать опавшей листвой, пошли прочь.

Держал путь дедушка в смешанный лес. Он сказал, что там бывает много рябчиков, глухарей, тетеревов. Потому что корма для них вдоволь. Питаются эти птицы ягодами, цветками, семенами, насекомыми. Зимой перебиваются серёжками берёзы и ольхи, почками ивы, семенами ели, валяющимися на снегу.

В лесочке я достала манок-пищик. Засвистела, как рябчик. Часто таким образом мне удавалось приманить птичек. Смотрю по сторонам, не летит ли ко мне серенькая лесная курочка. Сама невеличка, чуть побольше голубя, оперение с тёмными поперечными полосками, а на голове — смешной хохолок.

Дедушка тронул меня за плечо.

— Смотри, кого приманила.

— Лиса? Неужели? — воскликнула я, увидав юркого рыжего зверька с острой мордочкой и пушистым хвостом.

— Она самая, — тихо проговорил дедушка.

Я перестала свистеть и уставилась на неё. Она же отвернулась и так важно зашагала прочь, словно обиделась.

— Дедушка! Она что, меня за настоящего рябчика приняла? — засмеялась я.

— Конечно. Да, видишь, ошиблась. Думала вкусно-го мяска поесть, а не получилось.

Вот это чудо так чудо! Зовёшь рябчика, а приходит лиса.

Идём мы дальше. Вдруг из-за пригорка выкатился пушистый клубок и — прыжками, прыжками наутёк. Всё же мы успели углядеть, кто это.

— Ах ты, лисья пожива! Ишь припустил, длиннухий! — воскликнул дед.

— Это — обыкновенный заяц, — поспешила сказать я, чтобы дедушка не посчитал меня за полнейшую незнайку.

— Обыкновенный да необыкновенный! Редко такого увидишь: ушки серенькие, с чёрными кончиками, спинка тоже серая, а вот бока белые. Лапки же вообще пёстрые. Разношёрстный заяц. Год нынче такой: зима не спешит. Вот и косой не то серый, не то белый — не разберёшь.

Долго мы ходили по лесу. Читали следы: там ка-

баны землю рыли, насекомых, корни всякие искали, тут проказницы мышки-полёвки ягоды брусники обсосали, только кожура валяется. Каждая зверюшка в лесу метки оставляет: здесь — пробежала, здесь пообедала, здесь — от опасности укрывалась.

Вдруг увидела я следы, показавшиеся мне знакомыми. Словно корова прошла. Но не могла же она забрести в такую даль!

Мы услышали шорох и спрятались. Кто-то пробирался через кусты. Прямо на нас вышла старая лосиха: шкура с проседью, голова опущена. Вот чьи это следы!

Она нас не почуяла и медленно пошла к реке на водопой. Затаив дыхание, мы смотрели ей вслед. Наконец она скрылась из виду.

Осеннее солнце меж тем клонилось к закату. Жаль, что дни в эту пору так коротки.

Уже на обратном пути дедушка обратил моё внимание ещё на одно чудо. Мы остановились около берёзки. Листья с неё успели облететь. Лишь один последний пожелтевший и пожухший листочек висел на ветке.

Я спросила:

— Ну что тут особенного? Листок как листок. К тому же увядший. Какой от него прок?

— Был прок, — ответил дедушка.

— Если б не растения, мы бы задохнулись. Зелёные листья вырабатывают кислород, которым мы дышим.

— Знаю, — сказала я, — на уроке нам говорили, что леса — лёгкие планеты.

— Так вот, этот листочек — часть лёгких. Крошеч-

ная, конечно. Но только на одной берёзе таких листочков больше трёх тысяч. В природе вообще нет ничего лишнего. Даже маленький листочек зачем-нибудь да нужен!

Вернулись домой мы к вечеру. Я записала в дневник все наблюдения этого дня: и про паутинки, и про гадюку, и про пёстро́го зайца, и про седую лосиху, и про засохший листочек на берёзе.

Самое чудесное и удивительное в этих простых чудесах то, что они неповторимы. Ни на другой год, ни позднее я не увидела ничего подобного: даже листья с берёзы облетали иначе. Прав дедушка. Присмотришься и поймёшь: лес всегда новый, всегда разный. Потому что живой.

Татьяна Гоголина

ОТЧЕГО ПРОСЫПАЕТСЯ ЛЕС

Отчего просыпается лес –
Вам отвечу и буду права –
От того, что на свете есть
Та волшебная сон-трава.
Еще снег не растаял совсем,
Забирая весь сон лесной,
Синим цветом на зависть всем
Распускается ранней весной.
И увидев тот чудный цветок,
Запоет, защебечет птица,
Зажурчит простой ручеек,
И любой, посмотрев, удивится.
И захочется травам цвести,
И очнутся деревья от сна,
Оживут, начинают расти –
И вокруг наступает весна!

НАСТУПЛЕНИЕ УТРА В ЛЕСУ

Запеваает журавль в три часа
Гимн земле и родимому лесу.
На траву выпадает роса
И снимает тумана завесу.
Поднимают головки цветы,
Просыпаются нежные травы;
Расправляются ветки, кусты
Ради жизни, не ради забавы.
Открывая особым ключом
Облаков занавески румяных,
Освещая лес первым лучом,
Солнце в сгустках зари багряных...

Марина Гусева

ХУДОЙ МИР

У рыночных ворот бойко шла торговля. Длинный, с крючковатым носом, продавец шумно зазывал покупателей:

- Подходи! Не пожалеешь! Товар лучшего качества! Покупай, не зевай! Только здесь, только у меня!

Народ толпился у раскидного столика, с разложенными на нем холщевыми мешочками разного достоинства. Шумно читали этикетки, обсуждали цены.

- Ай, ай! А самый большой с атомной начинкой – миллион рублей! Вот хапуга!

- Да, кто его купит за такие деньжищи?

- Кому надо, тот купит.

- Да кто? Кто?

- А это не нашего ума дело.

К прилавку пробилась стайка мальчишек. Самый старший, десятилетний мальчик, тряхнул непослушными кудрями и решительно протянул руку, с зажатыми в кулак деньгами:

- Вот. Нам на все - маленькую войну.

Продавец деловито пересчитал деньги и покачал головой:

- На восемьдесят рублей сорок две копейки ни чего нет.

Мальчишки заволновались, заспорили. Размахивая руками, загалдели все разом:

- Как ни чего нет? Отвесьте хоть немного. Нам очень нужно! Нам без нее ни как! Вы знаете, сколько там мальчишек во дворе дома 87-мь? Их в два раза больше, чем нас. Мы их что, по- вашему, голыми руками победим? Да у ихнего Димона кулачищи, как у Тайсона! Нам без войны ни как нельзя. Посмотрите, что он с Пашкой сделал!

Самый младший, тщедушного вида мальчишка лет восьми был вытолкнут из стайки ближе к прилавку для демонстрации огромного фингала под глазом, а так же нескольких шишек и ссадин на голове.

- Вот, смотрите!

Мальчишки горячились и кричали, толкаясь у прилавка:

- Как он его отделал? Разве можно такое спустить? А у Димона кулачищи! Нам без войны не как нельзя.

Между тем Пашка хлюпал носом и слезно смотрел здоровым глазом на продавца:

- Пожалуйста, нам самую маленькую. Нам бы только Димона...

- Раз такое дело, то надо помочь пацанам.

К столику пробился высокий гражданин и достал из кармана толстый кожаный кошелек:

- Как тут не помочь, они пострадавшие? Сколько стоит маленькая война?

Толпа тут же разделилась на две противоборствующие стороны.

Одна из сторон, во главе с решительного вида дамой, державшей на руках не менее решительную болонку, выступила категорически против военного вмешательства в дворовую драку мальчишек.

Другая сторона, под предводительством высокого гражданина, изъявила желание оказать денежную поддержку обиженным мальчишкам для разрешения конфликта.

Спорили долго, кричали и приводили веские доводы. В разгоряченных головах некоторых оппонентов уже начали зарождаться мысли о необходимости силового вмешательства в затянувшийся спор. И эти мысли, окрепнув, привели бы кулаки в действие, если бы продавец не отвлек очередной покупатель:

- Скажите, у вас можно купить Мир?

Его тихий голос привел толпу в состояние ступора, а у продавца вызвал не понимание:

- Мир? Какой мир?

Седоволосый покупатель не отвел глаз и терпеливо попросил:

- Продайте мне Мир, пожалуйста, пусть самый худой, но Мир.

Продавец брезгливо подхватил несколько мешочков и бросил их перед покупателем:

- Выбирайте, все, что осталось.

Над сгорбленной фигурой покупателя загремел голос разъяренного высокого гражданина:

-Какой мир? При чем здесь мир? Кто вы такой, что бы решать? Кому здесь нужен мир, старик!

Покупатель поднял лицо, и все увидели, что он не стар, хоть и сед. Он посмотрел на взбешенного высокого гражданина доброжелательно и открыто.

Он заговорил с ним, как говорят взрослые с маленьким рассерженным ребенком:

- Мне нужен Мир. В моей стране много лет идет война. Гибнут мужчины. Дети живут в страхе. Старики плачут и проклинаят войну.

Моей стране нужен Мир. Пусть самый маленький, самый худой, но Мир.

Мы откормим его, поставим на ноги, вырастим. Он спасет мою страну от смерти.

Высокий гражданин съежился, попятился под взглядом необычного покупателя.

- Верно говоришь, сынок, худой мир лучше хорошей войны.

Поддержала покупателя бабушка Феня:

- Знаю, милоч, знаю. Сама я не воевала, врать не буду, чего не было, того не было. Ребенком я была в ту пору. Но помню, как много народу не возвернулось с проклятой войны, считай, больше половины деревни нашей там осталась.

Баба Феня прошла к прилавку, поставила клюку и деловито помяла дряхлыми пальцами ближайший мешочек:

- Дай, помогу тебе, мил человек, добрый Мир выбрать. Тощие какие они у тебя. (Она строго посмотрела на продавца). Вот этот поплотней будет. Покупай этот Мир, милоч, не прогадаешь.

- Спасибо, тебе бабушка за доброту твою. Дай Бог тебе Здоровья, Блага и Мира.

Низко поклонился покупатель старой женщине и отдал свой кошелек продавцу:

- Возьмите, это все, что у меня есть.

Продавец высыпал содержимое кошелька на стол, удивленно посмотрел и проворно схватил мешочек с Миром:

- Мошенник? Обмануть меня хотел?

- Я – не мошенник!

Звонко крикнул покупатель и выпрямился. Удивленно ахнула толпа, покупателем был седой мальчик.

Возмущенный продавец показал всем высыпанные из кошелька ракушки:

- Вот, что мне пытался всучить этот обманщик! Люди добрые, посмотрите!

Толпа заволновалась, то тут, то там слышались возмущенные крики:

- Обманщик! Он хотел расплатиться ракушками!

- Нет! Послушайте меня - это продавец хочет всех нас обмануть!

- Да вы посмотрите, ракушки не иначе, как из чистого золота!

Седой мальчик посмотрел на продавца лучистыми глазами:

- Я – не мошенник. Так все расплачиваются в моей стране. У меня нет других денег. Пожалуйста, возьмите мои ракушки, они из чистого золота.

Глаза продавца жадно заблестели, он торопливо сгреб ракушки:

- Откуда мне знать, чистое это золото, или ты лукавишь, маленький оборванец. Все равно мало этого, денег добавь, или отдавай мой товар. Ходят тут всякие.

Трясущимися руками продавец торопливо собрал ракушки и хотел спрятать их в большой кожаный кошель на поясе, но был схвачен за руку решительной дамой, с не менее решительной болонкой на руках:

- Минуточку. Не пойдет, говорите для оплаты золота. Так и верните его обратно. Ну же, отдавайте, отдавайте или утаить решили?

Посеревший от злости продавец высыпал ракушки на стол.

- Бери, мальчик! Бери! Продавец хочет другие деньги. Он получит другие деньги. Я помогу тебе.

Решительная дама отпустила на землю собачку, достала из сумочки кошелек, и вытряхнула из него на стол деньги. В глазах продавца жадно заблестели:

- На эти жалкие гроши вы хотите купить Мир?

- Вот возьмите еще - этого хватит?

От стайки мальчишек отделился старший из них, потрянул непослушными кудрями, вытянул вперед руку и разжал кулак. Заблестели на солнце монеты, зазвенели, ударившись о прилавок.

- Мало!

Закричал разъяренный продавец.

- Вот еще, утроба твоя ненасытная!

Бабушка Феня развязала тощую котомку и отдала свои сбережения.

- За такой товар я выручу в десять раз больше!

Хрипел продавец.

Толпа всколыхнулась в едином порыве, нависла над продавцом и его товаром. Со всех сторон посыпались деньги:

- Вот еще!

- Возьмите, если мало....

- На, забирай!

- Да чтоб ты подавился!

Деньги сыпались и сыпались и скоро погребли под собой продавца.

Покупатель взял купленный мешочек с Миром, низко поклонился:

- Благодарю Вас, люди добрые!

Ликующая толпа проводила седого мальчика напутствиями Счастливого пути, пожеланиями Здравия и Мира его Стране.

За праздничной суетой никто не заметил, как тенью прокрался к прилавку высокий господин и, воровато оглядываясь, сгреб за пазуху мешочки с этикеткой «Война».

КУКУШОНОК

Весна окончательно утвердилась, заявив о себе на редкость теплым, солнечным днем. Разнося долгожданную весть, ошалело чирикают воробьи: «Весна пришла! Весна!»

Санька радостно улыбается: солнцу и прохожим, воробьям и машинам, деревьям и домам.

Он едет к маме.

Прежде Санька жил в деревне, у тети Гали, в ее большой многодетной семье. И жил, между прочим, неплохо. Хоть и носил одежду с чужого плеча, то есть с плеча брата Жоры, но игрушки имел свои, личные. Частенько его, как самого младшего, баловали сладостями. Когда взгрустнется, а случалось и такое, Санька мог забраться на колени к тете Гале, или поплакаться в складках ее необъятной юбки. Она всегда жалела и утешала его. Впрочем, за помощью Санька чаще обращался к Жоре, младшему сыну тети Гали. Ведь это он подрался с Сережкой за то, что тот назвал Саньку кукушонком. Это он вырезал и подарил Саньке настоящий парусник. Наконец, именно Жора показал, как запустить воздушного змея. Санька гордился Жорой и звал его братом. Только никак не мог понять, и часто думал об этом, лежа в постели: если Жора его брат, то почему тетя Галя – тетя, а не мама? Он спрашивал, взрослые отшучивались. А брат сказал, что это тайна, которую откроют ему, когда он подрастет. Санька тайны любил и был горд, что у него есть своя тайна.

Однажды вечером к ним пришел высокий, темно-волосый дядька. Увидев Саньку, он присел на корточки и протянул руку, помедлил и неуверенно улыбнулся.

- Здравствуй, сынок. Как ты вырос!

Санька любил, когда к нему вот так, по-взрослому

обращались. Но этот дядька ему сразу не понравился. Санька увернулся и спрятался за спиной тети Гали. Она обняла гостя.

- Кто к нам приехал! Братец, дорогой! А мы уже и ждать

перестали. Забыл ты к нам дорогу, совсем забыл.

- Как можно, – оправдывался тот смущенно.

Санька, видя, что интерес к нему пропал, шмыгнул за диван.

Он почувствовал смутное беспокойство. Ему вдруг стало страшно и совсем расхотелось спрашивать, почему этот дядька назвал его сыном, и будет лучше, если этот непрошенный гость уйдет.

Но взрослые рассудили иначе, и Санька узнал тайну, от которой раньше его так ревностно оберегали. Через неплотно прикрытую дверь мальчик слышал, как гость, оказавшийся его папой, настаивал на переезде сына к матери. Тетя Галя плакала, громко сморкалась, не соглашалась с ним. Они долго спорили, и никто не догадался спросить у Саньки, чего хочет он.

А Санька хотел к маме. Он совсем не помнил ее. Рядом с ним всегда была тетя Галя и ее семья. Санька не знал, что его мама, сразу после развода, поделила своих двойняшек: дочку – себе, сына – отцу. И ни разу после этого, ни мама, ни папа не напомнили о себе.

Все изменилось в этот тихий весенний вечер. Санька узнал, что у него есть своя мама, свой папа и даже своя сестренка. Стоя за дверью и слушая, затаив дыхание, разговор взрослых, он не знал, что подумать и на что решиться. Ему до слез было жаль тетю Галю, и он уже хотел

броситься к ней, спрятать лицо в ее ладонях и сказать этому дядьке – его отцу, чтобы уходил. Но радостное чувство, зародившееся в душе от мысли, что у него есть мама, удержало его. Он ждал, чем закончится разговор.

Взрослые решили, что тетя Галя с племянником поедут в город, к этой женщине и познакомят брата с родной сестрой, потому что грех скрывать это от ребенка. Дальше Санька не дослушал. Не в силах больше сдерживать свою радость, он бросился искать Жору. У него есть мама! Он поедет к маме!

И вот Санька, одетый в новую коричневую курточку, с карманами на молнии, семенит за размашисто шагающей тетей Галей. Город его немного напугал – слишком шумно, но и понравился – сколько машин! Он даже забыл на какое-то время, что едет к маме и все смотрел, смотрел.

Дверь им открыла красивая тетенька, с бигудями на голове.

- Моя мама! – радостно сообщил Санька тете Гале.

- Да, милый, – подтвердила та, - Здравствуй, Лора.

Но женщина не обрадовалась гостям. Она сердито поджала губы, и Санька усомнился, его ли это мама.

- Можно войти? – спросила тетя Галя.

- Зачем?

Санька увидел, как побледнела тетя Галя и испугался, вдруг она начнет ругаться и мама уйдет. Он тихо заплакал.

- Поговорить надо, - твердо заявила тетя Галя.

Одной рукой она прижала племянника к себе, другой погладила по взъерошенным волосам.

- Войдите, - разрешила мама и предупредила – но ненадолго, я тороплюсь.

Как только Санька переступил порог квартиры, слезы его

моментально высохли. В коридоре стояла девочка и большими голубыми глазами испуганно глядела на гостей.

- Здравствуй, Ксюшенька! – заворковала тетя Галя. – ты помнишь меня? Я тетя твоя, а это... - Она легонько подтолкнула мальчика к сестре. – Братик твой родной – Саня.

- Здравствуйте, - растерянно проговорила девочка и губы ее задрожали.

Санька терпеть не мог девчоночьих слез и сейчас, испугавшись, что сестра заплачет, торопливо подал ей привезенную в подарок куклу.

Из кухни послышался голос – мама звала тетю Галю. Санька тоже хотел пойти, но тетя Галя отослала их с сестрой в комнату. Играть оказалось не во что, подаренная кукла была единственной игрушкой, да и с ней Ксюша не пожелала расстаться. Внимание Саньки привлекло большое количество баночек и бутылочек на полке у зеркала.

- Не трогай, – предостерегла сестра – а то мама зоругает. Санька отдернул руку. Помолчали.

- Ты теперь у нас жить будешь? – спросила Ксюша.

- Угу, – солидно подтвердил Санька.

Глаза девочки радостно заблестели, и Саньке стало легко и просто с ней. Он рассказал про то, как жил раньше: про тетю Галю, про Жору. Пообещал, что обязательно подарит коробочку с цветными стеклами.

Ксюша показала ему свою коллекцию фантиков и дала ему один, самый красивый, золотистый. А еще сказала, что спать они могут вместе в ее кровати. Они сидели, прижавшись друг к другу.

Так их и увидела мама, войдя в комнату, и тетя Галя, заглянувшая через ее плечо красными от слез глазами.

Санька не понял, почему мама сказала, что ему пора домой.

Тетя Галя, пряча глаза, торопливо одевала его. Ксюша плакала, и Санька обещал сестре завтра вернуться. Он хотел попросить маму поехать с ними, но посмотрел на ее холодное лицо и ничего не сказал, побоялся рассердить.

Они шли по весенней улице. Санька, ведомый за руку, громко перечислял тете Гале, загибая пальцы свободной руки, что он возьмет с собой, когда насовсем переедет к маме. Конечно, он часто будет приезжать в гости. А можно будет взять с собой Ксюшу, а маму? Брат Жора обязательно должен посмотреть, как Санька будет жить здесь, в городе. Он говорил, воодушевляясь все больше и не замечал, что тетя Галя спотыкается все чаще и прячет лицо за воротником пальто.

ЛИПЧКА

Идет второй час полета. Монотонно гудят двигатели. В салоне самолета душно. Алексей вжался в спинку кресла в безуспешной попытке побороть быстро нарастающую боль. Он приоткрыл свинцовые веки, осторожно

пошевелился, пытаюсь придать телу более удобное положение.

- Что? – встрепенулась Регина. – Опять?

Алексей взглянул на расстроенную девушку и изобразил улыбку, которая была настолько вымученной, что не успокоила, а еще больше встревожила его спутницу. Он проглотил очередную таблетку. В голове гигантский колокол, раскачиваемый болью, гудел на высокой ноте. Минут через десять приступ пройдет, а пока нужно отвлекаться.

Алексей подумал о предстоящей экспедиции, о предстоящем одиночестве, о предстоящих ... Когда боль, наконец, отступила, он провалился в спасительный сон.

Регина с нежностью поглядывала на уснувшего Алексея. Зная что его болезнь обостряется весной и осенью, она подсказала ему идею экспедиции, надеясь, что смена обстановки и лесной воздух будут благоприятны для него. Она пожертвовала бы многим, да что там многим – всем, только бы Алексей поправился ...

На базу прибыли к обеду. Алексей настоял, чтобы вездеход немедленно доставил его к озеру. В то время, как основная группа проведет геологическую разведку на равнине, он займется изучением небольшого лесного водоема в восьмидесяти километрах от базы.

Алексей почувствовал облегчение, когда вездеход, сердито урча и вставая на дыбы, преодолел бугор и скрылся из вида. Проглотив очередную пилюлю, он постоял, прислонясь к серой стене избы, и, пересилив боль, принялся разбирать ящики с оборудованием.

К концу месяца Алексей почувствовал себя лучше. Редкие приступы не мешали работе, а одиночество компенсировалось общением с природой. Исследуя правый берег озера, он наткнулся на небольшой грот. Почва здесь была илистой, в воздухе висел сильный запах плесени.

Изучая образец, Алексей с удивлением обнаружил частицы отмершей микрофауны, неподдающейся классификации. Он был так захвачен этим открытием, что прозевал начало приступа и вынужден был отложить работу, а образец поместил в стеклянный сосуд, именуемый аквариумом.

Утро следующего дня выдалось ветреное и холодное. Растапливая печь, Алексей прислушивался то к нарастающей, то затихающей боли. Приступы теперь были короткими и не настолько мучительными, как до приезда сюда. Горный воздух явно пошел ему на пользу.

- Черта с два свалишь, - упрямо бормотал он и, чтобы доказать себе и своему недугу кто хозяин тела, сел за стол с твердой решимостью поработать. Пришла пора привести в порядок записи, систематизировать и пронумеровать образцы. Боковым зрением он уловил шевеление в аквариуме. Там двигалось небольшое насекомое.

«Паук, - решил Алексей. - Наверное, занес с образцом. Почва оттаяла, он и проснулся».

Но, внимательно рассмотрев предполагаемого паука, он засомневался. Небольшое круглое тело скорее походило на комок слизи темно-коричневого цвета с множеством отростков по бокам. Странное существо медленно планировало, едва касаясь поверхности. Это зре-

лице так захватило внимание Алексея, что он не заметил, когда прошла боль.

На протяжении двух последующих недель существо вело себя до скучного однообразно. «Паук» не рос, хотя поедал немало ила, который Алексей приносил ему из грота, много спал и не склонен был к движению. При прикосновении сжимался в слизистый шар. Впрочем, трогать лишний раз «паука» не хотелось, вид у него был отталкивающий, а отвратительный запах вынудил Алексея как можно реже поднимать крышку аквариума.

Вскоре погода установилась, и он возобновил прерванную из-за дождей работу. Особенно его интересовали гроты на правом берегу озера, исследование которых дало много любопытного. Как-то он набрел на пещеру со сталактитами и, обходя ее, забыл о времени. Домой вернулся поздно, едва держась на ногах от усталости. Прошел по сумрачным сеням, тяжело ступая. С усилием потянул на себя скрипучую дверь. С единственным желанием отдохнуть, Алексей перевалился через порог в избу. Шагнул в комнату и замер.

Аквариум был разбит. Его мелкие куски разлетелись по комнате. Из-под стола выползло Нечто, напоминающее краба.

Если зрение ему не изменяет, подумал Алексей, то это его «паучок», но увеличенный в размерах раз в пятьдесят! Его «паучок»?.. Но живому существу, каким бы оно не было, вырасти за двенадцать часов до таких размеров невозможно. Тогда это галлюцинация, или плод его воображения. Ведь сходят же люди с ума от одиночества...

Пока пораженный Алексей пытался разобраться в происходящем, существо приближалось к нему, распространяя запах плесени.

Нет, это не бред, он здоров. А существо так же реально, как и он сам. И провалиться ему на месте, если это не его «паучок»! Круглое, все покрытое слизью тело, множество отростков по бокам, два из которых длиннее остальных и расположены ближе к спине, были угрожающе подняты и напоминали клешни рака.

Алексей испугался. Он почувствовал, что Нечто, не имеющее биологического названия, смотрит на него. Изучает! Смотрит?.. Но у существа нет глаз. Алексей попятился. Оно прыгнуло и шмякнулось, забрызгав лицо слизью, на его голову.

Алексей отчаянно сопротивлялся. Пытался сбросить с головы атаковавшую его мерзость. Что-то шершавое проползло за уши. И все исчезло ... Нет, Алексей ни на мгновение не терял сознание, он просто устало опустился на скамью. Исчезло желание сопротивляться. Исчезло чувство омерзения. Исчез страх ...

Это Нечто на его голове разве не так же естественно, как шляпа или другой головной убор, подумал Алексей. Он поднялся и медленно пошел к столу. Ничего не произошло. Он мог заниматься своими делами.

Нечто, что получило название Прилипало, не мешало ему. Правда, легкое раздражение вызывало то, что голова была слегка сдавлена, покрыта слизью и имела неприятный запах. Отучить Прилипалу от привычки использовать его голову, как насест, оказалось непросто.

Алексей обследовал крабообразного и отметил, что оно больше походило на гриб с отростками, напоминающими дождевых червей. Глаза отсутствовали. В радиусе метра от Прилипалы распространялось вибрирующее тепло, именно оно приподнимало существо над полом и служило средством передвижения.

Со временем они привыкли друг к другу. Прилипало освоился и все реже пользовался головой Алексея. Наблюдая за ним, Алексей убеждался в его дружелюбии и в какой-то болезненной преданности. Он и сам рядом с этим существом почувствовал себя значительней.

Длинными осенними вечерами Алексей разговаривал с Прилипалой. Странные это были беседы. Алексей садился на скамью, а в метре от него зависал, втянув в себя отростки, Прилипало. Он оказался прекрасным собеседником, внимательным и чутким. В то время, как Алексей пересказывал события своей жизни, невольно осмысляя и переоценивая их заново, Прилипало выражал свое отношение к услышанному меняя окраску от розового до темно-коричневого. В такие минуты Алексей мог поклясться, что его питомец разумен.

Алексей обследовал большинство гротов на правом берегу озера, отдавая работе в пещерах большую часть времени. Домой приходил поздно и моментально попадал под неусыпное внимание Прилипалы, трогательная забота которого не переставала удивлять. Перед сном Прилипало, повисая над его постелью, грел простыни. При появлении даже легкой боли, шлепался на голову Алексея и избавлял от приступа. Жаль только, что при

этом все кругом оказывалось забрызгано бесцветным желе.

Алексей ворчал, вытирая стол от слизи. Прилипало суетился рядом, всем своим видом показывая, что его это не касается. Не день и не два пришлось потратить на то, чтобы приучить его к аккуратности. Наконец, Прилипало перестал оставлять следы на столе и одежде, оставил в покое посуду и воду для питья, но ввел в свои обязанности сушку обуви.

За этим занятием Алексей и застал однажды своего питомца. Он долго наблюдал за тем, как тот снует над сапогами и, не выдержав, рассмеялся:

- Ладно, Липочка, оставь, девочка. Сами высохнут.

Новое имя прижилось.

Между тем время шло, и предстоящий отъезд не радовал Алексея. Не раз, лежа без сна, и, глядя в темноту, Алексей думал о дальнейшей судьбе Липочки. Он не мог взять ее с собой, но и расстаться с ней, он чувствовал это, будет нелегко ...

Головные боли почти прекратились. Он перестал раздражаться и ворчать. К нему вернулось состояние ранней молодости, когда душа полна надежд и замыслов.

В день отъезда Липочка легким дуновением разбудила Алексея рано утром. Все валилось из рук. Волнение передалось и Липочке. Она жалась к ногам Алексея. Наступил полдень, через час за ним приедут.

Алексей сел на собранный рюкзак и протянул руку:

- Липочка, иди ко мне, детка.

Руку нежно обволокло теплом.

Он долго говорил, пытаясь убедить не столько Липочку, сколько себя в неизбежности разлуки.

Поверхность грибка заволновалась и потемнела. Алексей физически пережил чувства, переполняющие Липочку, от растерянности и нежелания верить, до смятения и боли. Только сейчас он до конца понял, насколько дорого ему стало это существо. Где-то в глубине души появилась гаденькая мысль, что он попал в зависимость и не сможет жить без грибка. Алексей гнал эту мысль, страшно злясь на себя.

- Иди же, иди, - торопил он Липочку и плакал.

Наконец, она медленно, с усилием отталкиваясь, поплыла к озеру. Алексей перестал ощущать волны вибрирующего тепла, и сердце его тоскливо заныло. Он вскочил на ноги, еще метр-полтора и вода навсегда скроет от него грибок.

- Я вернусь, Липочка, я обязательно вернусь!

Липочка замерла на мгновение и скрылась в зеленоватой воде озера. Алексей почувствовал себя совершенно опустошенным. Он опустился на серый камень, густо поросший мхом, и уронил голову на руки. Навалилась усталость. В затылке снова зашевелилась боль.

- Прости меня, Липочка, я ... предал тебя. Предал дважды... Сначала, когда отослал тебя от себя... потом, когда пообещал, что вернусь...

Алексей говорил и говорил. Он не видел, как чья-то тень появилась справа от камня. Перед тем, как потерять сознание, ученый почувствовал сильный удар по голове.

Очнулся он от холода, покачиваясь, поднялся. Голова не болела, а тело наполнялось небывалым приливом сил.

Регина нашла Алексея на берегу.

Они уходили от озера, крепко держась за руки. Алексей не оглянулся и не увидел в тени серого камня бесформенный грибок, с безжизненно отвисшими отростками.

ПОЛЁТ

(из личного дневника Р. Сомовой)

Сегодня я поняла, что умею летать.

Это случилось на первом уроке. По средам у нас всегда алгебра.

Наша Танюшка, так мы зовем учительницу – а как ее еще звать: молодая, фигуристая, один недостаток – скромненькая - так вот, наша Танюшка вкатила мне двойку. Прямо в журнал, да еще за упражнение недельной давности. Я про него и не помнила уже. Вернее забыла сразу, как только записала в дневник.

А Танюшка помнила.

Сколько у нее классов, кроме нашего 7»Б» и в каждом, как минимум, человек двадцать, а про меня помнила. Что я ей плохого сделала? Я ведь алгебру знаю сносно - на тройку, твердый, между прочим. Вывела она мне эту двойку, сама носик наморщила. Противно ей. Не

ставь, раз противно. Подняла на меня свои глазища, в них упрек, как, мол, ты так могла, ай-яй-яй.

А я могла, что у меня дел других что – ли нет.

Как, мол, тебе не стыдно. Вот мне двойку пришлось тебе поставить.

Да, пожалуйста. Все честно: я попалась, вы меня поймали.

Жаль, мол, мне тебя, Сомова.

Мне себя, между прочим, тоже жалко.

Так мы и поговорили с Танюшкой, глядя друг другу в глаза. Потом она вздохнула, опустила глаза и четко произнесла:

- Садись, Сомова, двойка.

- А мне по-фигу.

Почему-то сказала я, так же громко и четко. До сих пор не пойму, кто меня за язык тянул. Губы у Танюшки задрожали, вот-вот заплачет.

- Да вы не переживайте, - говорю - Я исправлю. А сейчас мне действительно по - фигу.

Класс заволновался, как море перед бурей, а мне почему – то легко стало и смешно - присмешно. Потом чувствую, ноги от пола оторвались, словно меня кто поднял. Я медленно поплыла вверх и зависла под потолком.

В классе тихо стало, как во время контрольной.

Все головы задрали, Танюшка ртом воздух ловит, ну прямо рыба, вытщенная из аквариума. Моя подруга Галка пальцем в носу ковыряет.

И вид у них всех, там внизу, такой потешный.

Я как захохочу. И тут меня всю закрутило, завертело. Остановиться не могу, о потолок бьюсь. Вся в побелке. В подол юбки вцепилась одной рукой сзади, другой спереди, зажала его между ног, в голове одна мысль пульсирует:

- Не хватало еще, чтобы наши парни меня потом дразнили.

- Немедленно слезьте! Слышите, Сомова, немедленно!

Это Танюшка запротестовала. Она всегда, когда волнуется, обращается к нам на вы, наверное, хочет подчеркнуть всю серьезность ситуации.

Но зря она так.

Во-первых, я бы рада оказаться на полу, а то от смеха уже икать начала и плакать одновременно.

Во-вторых, ее голос вывел из оцепенения наш класс. Что тут началось!

Все заорали, что хотят ко мне.

Пупырченко первый вскочил на парту, взмахнул руками, и подпрыгнул вверх. Тоже мне, птица! Забыл, что рожденный в неволе летать не может. Или как там: рожденный в поле летать не может? Ладно, неважно, как там точно - важно, что классики не ошибаются.

Пупырченко грохнулся на нашу фифочку Светочку Тюнькину. Естественным образом сработал закон притяжения! Вот уж не думала, что Светочка такой мощный магнит! И завалил ее в проход между партами. Светочкин визг потонул в реве нашего класса, последовавших примеру Пупырченко. Толкаясь, и вопя, все лезли на парты и самозабвенно устремлялись вверх.

Танюшка прижала левой правую руку в области сердца, а спиной прислонилась к стенке. Но не надолго, видно ноги отказали. Смотрю, начала медленно сползать на пол.

Я почувствовала укол совести и беспокойство за Танюшку.

И тогда решилась. Кувырнулась в воздухе, уцепилась за плечи подпрыгнувшего в этот момент, Степки Иванова. Он у нас парень упитанный, за что имеет кличку «Кабан», и, между прочим, в меру воспитанный. Хоть и поразился такой бесцеремонности, но в глаз мне не дал.

Это под его тяжестью мы рухнули на пол, как сраженные на взлете мухи. При этом Кабан оказался внизу. Перспектива быть поверженным на глазах у всего класса, особенно на глазах у Шурки Семиной, его не прельстила, и он яростно зашипел:

- Пусти, Сомова.

Дальше в мой адрес последовали нелестные слова. При этом, стараясь освободиться из-под меня, он больно меня лягнул.

Я молча оттолкнулась ногой от головы Иванова и ухватилась за ножку парты.

Ну молча, потому что, во-первых, не желала привлекать к нашей ситуации внимание. А во – вторых, чувствовала себя виноватой за униженное положение несчастного. И в-третьих, кто же с Кабаном в здравом уме спорить будет.

Наконец, главное из-за чего я решилась на этот трюк и к кому я стремилась сейчас, цепляясь за ножки парт и ноги одноклассников – это сидящая в явной про-

страции Танюшка. Наша Танюшка, за сохранение здорового ума которой я сейчас чувствовала себя ответственной.

Что ж я на самом деле свинья что – ли неблагодарная.

До Танюшки я добралась без особых потерь, не считая сорванного с моей головы банта и синяка под глазом.

Помню, как обнимала ее и уговаривала не плакать, а она редела, сморкалась в мою кофточку и твердила, что ни чего – ни чего не понимает.

Класс орал и бесновался, не замечая потерю в моем лице потолочного ориентира. Казалось, повлиять на сложившуюся ситуацию уже ни кто и ни что не в состоянии.

Ха! Вы не знаете магического действия нашего школьного звонка.

В общем, как только загремел звонок, сработал инстинкт. Наш 7 «б» шумной лавиной схлынул в столовку, забыв и о полете и о Танюшке. И еще раз, подтверждая выводы Павлова о рефлексах.

В разоренном классе остались только я, Танюшка и моя Галка в той – же позе, с тем – же выражением лица, ковыряющая пальцем в носу. Обожаю ее за это – ну не подвержена панике моя Галка. И в столовку ее не потянуло, да и меня признаться тоже. Какая тут еда, когда Танюшке плохо. Вот успокою ее, тогда и перекусим с Галочком.

Наша Танюшка пришла в чувства только тогда, когда я ей пообещала больше не под каким видом «ни-ни».

Ни каких полетов!

Да, пожалуйста, жалко что-л. Для хорошего человека ни чего не жалко. Пообещать то я пообещала, но при

этом пальцы на ногах скрестила. Не все конечно, а только большой и тот, что рядом с ним.

На уроках, правда, я больше не летаю, да и в школе «ни-ни». Так что данное слово я держу.

И только дома, в свое свободное время... летаю и летать буду!

А вам – нелетающим - никогда не понять: сверху все видится иначе.

НЕЖИТЬ

Сколько бы нас не собралось - Совету всегда мало.

Лица окинула взглядом комнату. Ответила кивком на приветствия.

Пришел даже Замшелый. Давненько не появлялся.

Она встретилась глазами с рассеянным взглядом маленького лысеющего толстяка, по кличке Замшелый, и улыбнулась. Его простодушие и суетливость могли обмануть кого угодно, но в Совете его уважали, а стражи, ходившие с ним на зачистки, откровенно обожали. Лику он дважды вывел с той стороны. Такой безошибочной интуицией и молниеносной реакцией, как у Замшелого, наделен только один страж – Координатор.

Сегодня Лица в паре с новенькой - высокой изящной блондинкой Диной, обладательницей огромных зеленоватых глаз. Колоритная девушка.

Старшей назначили Лику. Она получила пакеты с защитным полем, сокращенно ЗП, перепроверила комплектацию их маленькой группы.

На выходе Лика почувствовала осторожный предупреждающий импульс, она оглянулась.

Замшелый и его напарник Шустрик смотрели в след уходящим девушкам. Лика увидела, как недоумение на лице Замшелого сменилось беспокойством.

Он тряхнул головой, отгоняя от себя навязчивые мысли, улыбнулся и помахал девушке рукой. Счастливого пути!

Провинциальный городок встретил дождем и порывистым ветром.

Дина поежилась и чихнула:

- Ну и погодка.

- Да уж.

Отозвалась Лика, рассеяно окинула взглядом привокзальную площадь, на краю которой сбились в кучу несколько коз. Животные уныло провожали взглядом редких прохожих.

Девушек поселили в деревянном старом доме. В комнате было чисто, протопленная печь попыхивала жаром.

Домашний уют расслаблял. Дина с наслаждением растянулась на кровати. Тикали ходики, за печкой пел сверчок.

Лику кольнуло беспокойство. Оно возникло из ничего, а не нарастало постепенно, складываясь из мелочей (как обычно с ней бывало), кольнуло, и растворилось в тишине комнаты.

Детский дом оказался современной кирпичной постройкой из трех зданий, соединенных общим переходом.

Инспекторов по охране и защите детей, так представились Лика и Дина, встретили у порога, повели в столовую.

Вокруг девушек суетились.

Персонал был предупредителен и улыбочив.

Дина ела с наслаждением. Лика к еде не притронулась, односложно отвечала на вопросы сидящего рядом директора. Он жаловался на скудное финансирование, формальность, перечислял накопившиеся проблемы. Девушке стало душно.

Голоса отдалились, смех замер. Машинально она проводила взглядом куриный окорочек, подхваченной длинными ухоженными пальцами.

Динины зубы блеснули и сжались на куске мяса.

Видение затянуло Лику в сгустившийся полу мрак.

Она лежала одна на холодном кафельном полу, не в силах пошевелиться. В нос ударило зловонье и затхлый сырой воздух. Тишину разорвал скрежет и цоканье когтей.

Неясная фигура выступила из тумана и неторопливо приблизилась к ней.

Это была собака. Глаза ее жадно горели, из пасти капала слюна. Не сводя глаз с жертвы, собака присела, готовясь к прыжку. Мгновение и она прыгнула.

Но что-то вмешалось в происходящее. Мир замер, как на остановившемся кадре. Собака повисла в воздухе. Девушку подхватил порыв и всосал в воронку Времен.

Осторожное прикосновение руки вернуло девушку в реальность.

- Вам не хорошо?- настаивал мужской голос.

Запахи отдалились, исчез звон в ушах, но появился запоздалый страх.

Как она могла быть такой беспечной? Как случилось, что ее заманили в ловушку и, если бы не это прикосновение руки, она потеряла бы реальность. Ее втянули, а она даже не попыталась сопротивляться.

Лица взглянула на спасителя.

Усталый взгляд близоруких глаз директора выражал беспокойство. Влажные ладони, в которых он держал руку девушки, подрагивали.

Лица осторожно высвободила ладонь:

- Не беспокойтесь, все уже прошло. У вас здесь очень душно.

И хотя голос ее прозвучал неуверенно, улыбка получилась искренней.

Директор почувствовал себя неловко.

За ними наблюдали.

Стемнело. Ночь неуклонно вступила в законные права.

В кабинете горела настольная лампа, освещая ворох бумаг на письменном столе.

Дина время от времени протягивала руку и брала то одно, то другое личное дело. Пролистывала и возвращала на место. Ее острый взгляд из-под пушистых ресниц следил за напарницей.

Директор, с трудом подавляя волнение, четко и детально излагал суть проблемы.

Лика рассеянно слушала характеристики сбежавших детдомовцев, машинально запоминала детали.

Дети убегали и раньше, но в последние пол года это стало эпидемией.

Хуже всего было то, что ни одного из них так и не удалось найти и вернуть. Они исчезли.

Лика снова попыталась связаться с Советом.

Никто не ответил. Каналы связи были закрыты.

С приближением ночи что-то неумолимо надвигалось.

Лика вышла на общий канал. Эфир был пуст.

Сердце сжалось и затрепетало.

Расположение шестой детской группы насторожило.

Большие зарешеченные окна выходили на заросший бурьяном и крапивой пустырь, за ним чернел лес.

- Почему не привели в порядок прилегающую к зданию территорию?- спросила у директора Лика.

- Мы пытались,- директор отвел глаза – но руки, знаете ли, не доходят. Да-с.

Извините, я на минутку.

Директор торопливо отошел к воспитателю, полной апатичной женщине средних лет.

Лика проводила его задумчивым взглядом.

Что здесь происходит?

Кто-то осторожно коснулся ее руки. Невысокий худенький подросток жестами позвал ее за собой. Лика

кивнула ему, давая понять, что поняла и, немного помедлив, ни кем не замеченная, вышла в коридор.

Дина осталась у окна. Ее потемневшие глаза что-то искали за пустырем.

В коридоре тускло горела лампочка.

Мальчик заглянул в глаза Лики:

- Вы только не говорите, что я вам это сказал.

- Я тебя не выдам. Даю слово.

- На пустырь никто не идет, там страшно. Дядя Коля, а потом и дядя Паша туда ушли и назад не пришли. Они больше вообще не пришли. Мы туда тоже не ходим. И у окон спать боимся. Игорь спал у окна. Утром встали, его нигде нет. Мы искали, но не нашли. Так страшно! Тетенька, заберите меня отсюда!

- Ну-ну, успокойся. Как тебя зовут?

- Сережа Денисов.

- Хорошо, Сережа. Мы с тобой давай так договоримся. Я сегодня останусь с вами ночевать. А завтра мы все отсюда уедем. Хорошо.

- Хорошо. Вы нас всех заберете?

- Всех. Но пока про это молчи. Обещаешь?

- Обещаю!

- Вот и договорились. А теперь возвращайся в группу. Я сейчас приду.

Ли́ка осталась одна. Она сосредоточилась и послала сильнейший импульс в центр связи. Ответа не последовало.

- Лика, это блажь! Кто нам позволит остаться здесь на ночь. Завтра придем и все решим. Как говорится: утро вечера мудренее.

Дина подхватила сумочку и направилась к двери.

- Дина! Подожди! Мы не отдыхать приехали!

- Я - отдыхать.

Хлопнула дверь.

- Да, что это такое! Это нарушает все инструкции.

Дина!

Лика метнулась за напарницей. Сбежала по лестнице, миновала длинный переход.

- Дина!

Ее голос гулко прозвучал в тишине уснувшего детского дома.

- Кто это шумит? Чего раскричалась?

Из полу мрака выступила невысокая фигура. Лика взгляделась в приближающийся мужской силуэт:

- Кто вы?

- Сторож я. А ты, поди, нянька?

- Да.

- Ну и чего расшумелась? Подруга твоя уже давно пробежала, не догонишь. А ты иди к детям, не забывай, что на работе.

- Да, конечно. Извините. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи. Уснешь с вами. Бегают тут. Шумят.

Трудно было понять, сколько времени до рассвета. Свет в спальне включить, чтобы посмотреть на часы, Лика не решилась, боясь потревожить спящих детей. Впрочем,

спали не все. Она слышала, то справа, то слева осторожное шепуршание и вздохи.

Время от времени Лика выглядывала в окно.

Ночь была лунная и удивительно тихая.

Ни шороха. Ни звука. Ни легкого дуновения ветерка.

В какое-то мгновение ей показалось, что луна, пустырь и лес не настоящие, а кем-то нарисованы на холсте с удивительной достоверностью.

Природа замерла. Или умерла?

Что-то нарастало и крепло в сердцевине черного леса.

Лика напряженно ждала. Может статься, ее просто пугают, пытаются вывести из равновесия. Всем известно, что нежить не нападает в присутствии стража.

Лика тщетно гнала от себя страх, он пронизывал ее холодом, мешал сосредоточиться.

Она сделала все, как ее учили – дети и персонал под охраной защитного поля.

Оно не проницаемо для нежити, его может отключить только страж.

Лика поежилась, как неуютно. Как там Дина?

Нужно только пережить ночь. Утром она уведет отсюда людей. Доложит в Совет. Все будет хорошо.

Боковым зрением Лика уловила какое-то движение. К ней метнулось что-то темное. Уклонившись, девушка быстро повернула выключатель. Свет залил комнату и испуганные лица разбуженных шумом детей.

Одновременно послышался звон разбитого стекла. Через окна за клубился вязкий туман.

Как это возможно! Кто отключил защитное поле?

На кровати у окна сидела огромная белая собака. Она смотрела на Лику темными глазами без зрачков.

«Промедление смерти подобно», - вспомнила девушка слова Замшелого, инструктировавшего ее на случай непредвиденных обстоятельств, и похолодела от нахлынувшего страха - подобно ее смерти и смерти вверенных ей детей.

- Все ко мне!- закричала Лика.

Дрожащие фигурки столпились вокруг, многие плакали.

Глухое жужжание подтвердило включение индивидуального поля.

- Это всего лишь собака,- постаралась успокоить детей Лика:- Нам она зла не причинит. Мы ее прогоним. Возьмитесь за руки и сядьте ближе ко мне. Все сядьте на пол.

- Смотрите, она ушла! Ушла!- закричала какая-то девочка, показывая пальчиком в сторону, где сидело чудовище.

Собаки на кровати не было.

- Лика, помоги!

Голос Дины доносился из туалетной комнаты.

- Дина? О, нет! Ради всего святого, что ты там делаешь, Дина?

- Лика! Помо...

Голос захлебнулся, послышался храп. На раздумье не было времени, Дина просила о помощи.

- Дети, сидите тихо! Я сейчас вернусь. Ни чего не бойтесь! Сережа Денисов- ты остаешься за главного.

Лица выскользнула из-под защитного поля. Ощупью, прокладывая себе путь, она двинулась на голос, стараясь не думать о том, насколько она теперь уязвима.

Кошмар стал явью.

Огромная собака взглядом парализовала волю Лики.

Не в силах пошевелиться, она лежала на кафельном полу. Жизнь покидала ее тело. Собака приготовилась к прыжку.

Это конец. Хорошо хоть детям ни чего не угрожает, поле выдержит любую атаку.

- Прости, Дина, я не успела. Если бы с нами был Замшелый, все было бы иначе. Замшелый, где ты?

Собака прыгнула с глухим рыком. Лица закрыла глаза.

Послышался глухой удар и рычание.

Лица с трудом подняла голову. Собака билось в агонии.

Рядом стоял маленький толстый человек. Он повернулся к Лике:

- Ну, что же ты, девочка, так долго молчала? Все геройствуешь? Как ты решилась уйти из-под защиты поля? Жертвенная овечка!

- Замшелый, миленький.

Туман рассеялся. Замшелый поднял Лику на руки.

- Там дети...

- Я знаю, девочка. О них не беспокойся.

- Дина... я не смогла ей помочь.

Лица оглянулась назад.

- Не смотри!- крикнул Замшелый.

Предостережение запоздало.

Лику увидела на полу обнаженное тело Дианы, обросшее белыми клочками шерсти. Она была мертва.

Собаки нигде не было.

Девушку затошнило от пронзившей ее догадки.

Она отвела глаза и заплакала:

- Замшелый, как я рада тебя видеть.

- А как я-то рад, глупенькая. Ну-ну, не надо, все позади.

- Ты бы его видела! Ворвался к Координатору, потребовал немедленного реагирования. Метал и гремел! К кому другому, может, и не прислушались бы. Но к самому Замшелому, да с его знаменитой интуицией. Подлить?

Шустрик ловко наполнил чашку Лику травяным чаем.

После возвращения девушку поместили в изолятор единовременного пополнения сил. Она все еще была слаба, но врачи не сомневались в возможностях молодого организма. И только душевное состояние Лику вызывало некоторое опасение.

К ней разрешили посещения. Теперь с утра до вечера в палате было людно.

Заглянул и Шустрик:

- Выглядишь ты неважнецки. Но ничего, наши врачи знают свое дело. Они тебя в миг на ноги поставят. Ты лопай, отдыхай и не о чем не беспокойся.

- Шустрик, как могло случиться, что Дина стала обращенной? Она такая молодая и красивая. Почему это произошло?

Страж бросил на Лику пронзительный взгляд:

- Ты уверена, что нужно говорить об этом?

- Да. Я хочу знать.

- Видишь - ли, Совет еще толком не разобрался. Кажется, обращение было завершено прежде, чем ее утвердили на зачистки. Теперь перепроверяют ее данные и ломают головы над тем, как ей удалось обойти ловушки.

Да, похоже, мы были беспечны. Это надо же допустить нежить в Стражи!

Замшелый, когда увидел ее, что-то почувствовал, но забеспокоился позже. Это он пытался предостеречь тебя.

- Да. Но я тогда не поняла от чего.

- Он и сам толком не мог объяснить. Ни чего определенного, только беспокойство за тебя. Что именно его насторожило, он понял позже.

Когда вы уходили, Дина взяла ЗП прежде, чем ты, как старшая, подошла к сумке. Голову даю на отсечение, у нее уже тогда был готов план. А так как ты не в чем ее не подозревала, она, не опасаясь, смогла выставить таймер отключения поля.

- Она отключила поле?

- Да. И заблокировала связь. И позвала нежить.

- Как - же я сразу не поняла? Ведь я почувствовала, что что-то пошло не так.

Но, чтобы связать это с Диной. Как я глупа.

- Не вини себя. Даже Координатор ни чего не заподозрил.

А его, бывалого воробья, на мякине не проведешь.

Замшелый, когда связаться с тобой не смог, всех поднял на ноги. Никто тогда и не предполагал, насколько это было серьезно.

Ну и ты тоже хороша!

- Да уж.

Лица покраснела и опустила голову.

- Нет, я не о том. То, что ты бросилась сломя голову спасать Дину, конечно грубое нарушение инструкции, но не преступление. Да и какой страж пойдет на зачистку, не будучи уверен, что напарник сделает все возможное и невозможное, чтобы вытащить его!- запротестовал Шустрик: - Да, если хочешь знать, я бы тоже поступил также и Замшелый, и другие тоже. Это как не писанный закон. Но я не об этом. Замшелый, когда понял, что у вас что-то не ладно, приказал эфир прослушивать на всех волнах. Вот тогда и засекли твой индивидуальный импульс, отправленный ему. Слабенький такой, но нашим ассам было достаточно, чтобы определить временной пласт. Ну, а остальное ты знаешь. Высадились, зачистили, ни кто не пострадал. Почти.

Так что получается, если бы не ты, все могло быть значительно печальней.

Ты теперь у всех на слуху. Стажеры тобой восхищаются.

В палату вошла сиделка:

- Ликочка, подошло время приема лекарств.

Шустрик засуетился:

- Поправляйся, девочка. Я еще забегу.

Он галантно раскланялся, шаркнул ногой и, сунув руки в карманы мешковатых клетчатых штанов, направился было к двери, но остановился и вернулся, что-то сжимая в руке:

- На вот. Это тебе от твоего поклонника Сережи Денисова. Он просил тебя быстрее поправляться. Вот этот фрукт передал и даже проверил его на червивость.

Шустрик развернул пакет и протянул Лике надкушенное красное яблоко.

Она взяла его, поднесла к губам, но не откусила, а порывисто прижала к груди и заплакала.

- Вот и ладненько! Вот ты и выздоравливаешь. Поплачь, девочка, не стесняйся.

Лица улыбнулась сквозь радугу слез:

- Спасибо. Знаешь, Шустрик, это яблоко мне дороже всего.

- Знаю, девочка, знаю. Ты кушай его – это целительное яблочко.

Лица откусила сочную мякоть яблока.

Ни чего вкуснее этого яблока она никогда не ела.

НЕ ПО ДОБРОЙ ВОЛЮШКЕ

Не по доброй волюшке,
Разгулялся в полюшке
Добрый молодец в седле,
На добром, лихом коне.
Бьется молодец с врагом,
Да за родительский за дом,
За матушку родимую,
Да за невесту милую.
Пронеслась лиха стрела,
Сердце в беге догнала.
Закатилось солнышко,
Жизнь выпита до донышка.
Ой, судьба - судьбинушка,
На траве кровинушка.
Ох, судьба-судьбинушка,
Ты сыра могилушка.
Горько плачет девица,
Травой в поле стелется.
Горько плачут мать с отцом,
Был он добрым молодцом.
Ох, судьба-судьбинушка,
Ты сыра могилушка.
Ох, судьба-судьбинушка,
Где ты, наш кровинушка?

ХУДОЖНИК

Как-то раз один Чудак
Закинул за плечо рюкзак.
Пешком решил мир обойти.
Рай на земле найти.
Он повидал немало стран.
Был избран. Погибал от ран.
Звал чьи – то речи бредом.
И много раз был предан.
Остался верен он мечте,
Хоть нынче времена не те.
Он знал, откроются врата,
Но много надобно труда.
Раз перед взором чудака
Страна предстала из песка.
Однообразен был пейзаж
И царствовал в стране Мираж.
- Что ж за работу, не зевай,-
Сказал Чудак – Здесь будет Рай.
Достал он краски. Клей достал.
Барханы кистью красить стал.
Добыл воды. Сад посадил.
Пустыню в Рай он превратил.
- Да будет так,- сказал Чудак,-
Смеясь, - Да будет так.

УТРО

Умылся город
пригоршней дождя.
Накинул плат
из утренней прохлады.
Из целомудренности
выходя,
Нырнули в день
речные пароходы.
Взирали
телеграфные столбы
На суету
проснувшихся трамваев.
И вышли
из молочной пустоты
Щиты реклам
как лица завсегдаев.

ДОЖДЬ

Как из ведра, холодный дождь
Льет третьи сутки.
В слепое небо поднялись
Печально утки.
В домах унылых
Плачущие окна
Листом кленовым
Утирают стекла.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Оторвался от ветки родной
Лист кленовый в багровом наряде.
И искусно осенний портной
Поместил его в общем параде.
В строгом фраке и сером пальто,
То торжественно, то печально
Гонит ветер на мокром плато
Стаи листьев в фокстроте прощальном.

ОСЕНЬ

Грустно и тоскливо
Осенью холодной.
Уток клин крикливо
Бросил край голодный.
Опустела нива,
Опустел и луг.
И промчался мимо
Лета яркий круг.

ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ

Луч пропал в листве берез-
Паутиной тонкой.
Осень не сдержала слез.
Тихих слез. Негромко
Капли падали с небес
Радужным букетом.
Хоровод берез-невест
Омывали светом.
И венчала каждый лист
Осень золотая
Под печальный ветра свист
В путь благословляя.

ОКТАБРЬ

Среди осени
Проблески лета.
Листья с проседью
В лучах света.
В паутине
Капли дождя.
На рябине
Кровь октября.
В небе звонком
От тишины.
Птичьим эхом
Крики слышны.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Льет с небес поток воды,
Очищает землю.
Лето бросило бразды,
Листопаду внемлет.
Облетевшие леса
Потускнели ликом.
Устремились в небеса,
Вслед за птичьим криком.

ЗИМА

Брызнул смехом
Солнца луч в паутине тонкой.
Белым мехом
Снег укрыл ручеечек звонкий.
Закатился диск луны
В холод небосклона.
И дыханием зимы
Выбелило кроны.

ВЕСНА

Капель вступила в переключку.
Синичка встретила сестричку
В зеркальной глади луж.
Весна, перелистнув страничку,
День солнечный ввела в привычку,
Лесную разбудила глушь.
Луч солнца озорным мальчишкой,
По веткам мчится за зайчишкой
И гонит ручеек.
Зима покашляла устало.
Ни вьюг, ни холода не стало.
Покрылся зеленью пенек.

ВЕСНОЙ РАСКРАШЕНА ДУША

Весной раскрашена душа:
Веселой песнкой капли,
Проталинкой, что так свежа
От ранней зелени в апреле.

Весной раскрашена душа:
Многоголосьем птичьих песен.
Восторгом солнечным дрожа,
Их гимн взмывает в поднебесье.

Весной раскрашена душа:
Палитрой солнечных мгновений.

Весной раскрашена душа:
Природы вешним пробуждением.

ГРОЗА

Летним утром, перед грозой,
Чисто вымытые росой,
Травы плакали под косой
Сладко–горькой прозрачной слезой.
Василькам улыбался лен.
Тихо пел застенчивый клен.
И упала с небес синева
Одним краем на купала,
А другим на луга и лес,
Образую из света крест.
Крепкий ветер колосья согнул.
И волной по их спинам скользнул.
Зашумело
Кругом, зашумело.
Засверкало
И загремело
Дождь из тучи пошел несмело.
А потом безудержно,
Быстро
Вымыл лик деревеньки чисто.

ЮРМАЛА

Октябрь принес с собой ветра,
Прохладу и покой.
А помню, будто бы вчера,
Истомный летний зной.
Ласкает ноги шелк песка,
И голубой прибой
Похож на славного щенка,
Довольного собой.
Для русской северной души
На Балтике – курорт.
Везу я в Юрмалу гроши,
Кричу щенку: «Аппорт!»

В ПОЛЕ

В поле
мягкими губами,
Похватав
под корень травы,
Кобылица молодая
шла.
По туману
проплывала,
Мимо
спящего ручья,
Задремавшего грача.
В летней тишине,

в безмолвии,
Тихо
ставя в травы ноги.
Без подпруги
и седла.
Шла,
куда была вольна.

ПАУК

В темноте, под потолком,
Паучок устроил дом.
Выстлал комнату ковром.
Стол обставил серебром.
На веселую пирушку
Пригласил к себе он Мушку.
- Ах, останьтесь, веселушка,
Ей шептал Паук на ушко.
Но закончилась пирушка,
В паутине бьется Мушка.
- Отпустите!
- Не просите.
- Отойдите!
- Не кричите.
Диалог, увы, пустой.
А конец весьма простой.
С головой была бы Мушка -
Возвратилась бы к подружкам.

КОНЬ

Конь взлетел
Игриво
В небеса.
Голубая грива,
Как коса.
На коне том
Мчится
Млечный путь.
А луна – лисица
Навевает грусть.
Хочется руками
Шею обхватить,
Окунуться в гриву
И глаза закрыть.
В ритме раствориться.
Нет, я не ездук.
Я – коня крупца,
Тонкий волосок...
Конь промчался мимо.
Уползла лиса.
Облака уныло
Скрыли небеса.

НА РОМАШКОВОМ ЛУГУ

На ромашковом лугу
Я коровку стерегу.

Отпущу в траву осоку
До положенного срока.
Свечереет – позову
На домашнюю траву:
-Где коровушка моя,
В рыжих пятнах, пегая?
Ох, домой не воротилась,
Неужели заблудилась?
С волком серым повстречалась...
Я на поле разрыдалась.
На пригорок села:
-Где коровка Вера?
Рядом слышится:- Му - Му.
Что ты ищешь, не пойму.
Пропаслась я день-деньской
За высокою травой.
Под осиной отдохнула,
В ручейке воды хлебнула.
Не пропала без тебя.
Я теперь свободная.
Ты ступай себе домой.
Не пойду я за тобой.
Захочу, скакну в лесок
Подпояшу поясок
Волка серого найду,
Замуж за него пойду.-
На ромашковом лугу
Я коровку стерегу.
Отпущу в траву осоку
До положенного срока.

АЛЕКСАНДР ДЁШИН

ПЛЕННИК НАШЕГО ДЕТСТВА

- Баба ноги засоси, баба ноги засоси, нас на небо унеси.

Стайка ребятишек-дошколят и бесенят, едва одолевших азбуку в здешней начальной школе, копошится вдоль уреза воды, толчёт избитыми ножками жижу прибрежного песка и вопит на разные голоса свою любимую кричалку.

Летнее солнце стоит в зените, жарит немилосердно облупленные носы и голые обгорелые тельца чертенят, сушит на их рожицах бородавчато-песчаные кляксы разлетающихся брызг грязи.

Вот она вся деревенская прибыль за все последние годы собралась а одном месте. Словно стайка мальков-сеголеток топчется на прогретой солнцем водной мели. Как покажет время, это последний приток живой народившейся поросли вымирающей деревни послевоенной поры. Последний приток, выпущенный на подножный корм да божью волю, живущий и растущий сам по себе, почти без всякого пригляда со стороны взрослых.

- А у меня самое холодное место, - кричит стриженый «ноликом» ушастенький пескарь по имени Сергунька. - Тут даже подземный ключ бьёт и можно молоко держать, чтоб не прокисало.

- А у меня самый жидкий песок. Смотри как засасывает, ноги не вытащишь. - хвастает его напарник по месиву, который чуть постарше первого болтунишки.

- Вчера Надьке с Колькой узлов навязали и всю их одежду в воде намочили. Надька развязать ничего не могла, убежала домой без платья и ей там за это влетело. — Сообщает их третий компаньон - родной брат пострадавшей от обычной проделки более взрослых ребят Надьки.

В этих разговорах и топтании в вязкой жиже проходит немало времени и, когда засохший на теле песок начинает драть кожу наждачной бумагой и всем надоедает бессмысленная толчея, кто-нибудь из компании предлагает; "Айда искупаемся". Вняв предложению, вся эта конопатая ватага, как по приказу, с разбегу бросается в воду и начинается такое бульканье и вересня, что перепуганные молоденькие сороки в ивняке на другом берегу начинают тоже истошно трещать и нервно дрыгать своими куцыми отрастающими хвостами.

Все булькаются и барахтаются, плавают, кто как может. Младшие забегают в воду на глубину собственного пупка, поворачиваются лицом к берегу, зажмуриваются, плюхаются в воду и отчаянно гребут руками и ногами по дну до тех пор, пока не воткнутся головёнкой в мягкий песчаный берег.

Кто постарше и уже мало-мальски научился держаться на плаву, отчаянно брызгая, таранит по-собачьи .метров пять водного пространства параллельно берегу, затем испуганно начинает искать ногами дно, при этом несколько раз умудряется окунуться с головой в воду,

досыта нахлебаться тёплой, с поднятой со дна мутью, воды.

Всем весело, всем хватает места. Научившиеся сносно плавать с «лягушатниками» уже не связываются, купаются но более глубоких местах.

Это водное братание продолжается до появления гусиной сыпи на коже, до посинения, до начинающихся судорог.

Стуча зубами от холода маленькие полуутопленники нехотя один за другим выползают на берег, зарываются в сыпучий раскалённый песок и отогреваются в нём до следующего погружения.

Так проходит весь день. Кто-то успевает между купаньями сделать порученные им домашние дела, кто-то забывает об этом и на день-два лишается возможности сидеть в лягушатнике.

Как давно это было. Сейчас никто не купается в этих местах, заилился покатый песчаный плёс, зарос ивняком да дурниной золотой благодатный песок. Память невольно возвращается во времена того далёкого детства.

Кажется всё это было не с тобой, а с кем-то другим, и этот странный пришелец из страшного мира минувшей войны, был ли он тогда на самом деле? Да был же, был! Какие тут могут быть сомнения, если вот уже около сорока лет держит тебя, никак не отпускает его цепкий взгляд.

Настоящий переполох в обычную деревенскую жизнь в то далёкое лето безнадзорного нашего детства внёс новый пастух. Задумался и стар и мал, узнав, что гонять деревенское стадо подрядился неизвестно откуда взявшийся пленный немец. Самый настоящий немец и

при том, по всему видно, военный из каких-то небольших офицерских чинов.

Прошло уже более 15-ти лет с момента окончания Великой войны, а страшные следы её попадались на каждом шагу. Вот дядьке моему никак не даёт изуродованная культя правой руки запрячь лошадь; гремит протезами, гоняется за нами на своей инвалидке гороховый сторож дядька Ваня; стоит перед образом и до полуночи молится моя бабка, просит бога послать хоть какую-нибудь новость о старшем сыне, пропавшем без вести е самом начале войны. Культы и протезы, скрежет зубной да ночные саднящие крики, мольбы да проклятья - за всем этим стоит война, не закончившаяся ещё и на нашу детскую пору. Война, которую вряд ли когда-нибудь сможет забыть человечество. Одни только мальчишки жалеют о том, что не успели побывать на ней, рвутся мальчишечьи сердца совершать подвиги. И вот на тебе, случай для совершения геройства - живой настоящий немец.

Во всём «лягушачьем государстве» немедленно объявляется военное положение.

Общеизвестно, что нет войны без разведки, и вот все мы разведчики. Ежедневные купания и борьба с гороховым сторожем уходят на второй план. Лихорадочно собираются все сведения о пленнике. Что он в тот или иной момент делал, на что смотрел, куда ходил, с кем разговаривал. Основной вопрос: не собирается ли он бежать и если да, то как этому бегству помешать?

Вскоре было замечено, что каждый вечер приходит немчуря к нашему лягушатнику, стоит на песчаном холме

и подозрительно - долго глядит на убегающую реку, на дальний крутояр, поросший старыми соснами, молча не по одному часу глядит на воду и о чем-то думает.

Задача настоящих разведчиков предугадать планы и замыслы противника. Всё чаще собирается в шалаше на скотомогильнике весь личный состав разведчиков. На этот раз свои наблюдения докладывает ушастенький Сергуня:

- Всё смотрит и смотрит. Наверняка драпануть хочет. Угонит чью-нибудь лодку и смотается ночью по реке.
- Делает своё заключение на основании собранных разведданных он.

Выводы докладчика не подвергаются сомнению, по ним вырабатываются контрмеры; все хозяйские лодки запираются на крепкие замки, вёсла прячутся по домам. Старые безхозные душегубки затапливаются в глухих потаённых местах. Наблюдение продолжается.

Следующее совещание разведки проходит особенно бурно.

Всех возмущает предательское поведение собственных бабок.

- Моя бабка ему в тряпице свежие яйца носила. - кричит, негодует, трясёт лопушками Сергуня.

- А моя ему мыла кусок дала, да щелоку предлагала бельё мыть. - С горечью выдаёт рыжеволосый Витёк.

- Бабы, они за всегда так. Всех жалеют. - Презрительно заявляет самый рослый из всей компании сын бригадира.

- Может и моему кто вот также поможет, а сама тащит большущий кусок творожного пирога, - продолжает причитающим голосом бабки Морозихи он.

- А я видел как этот фрицер на платомое свои штаны стирал. Так я туда два ржавых школьных пера со звёздочками в щель забил. Пусть в следующий раз ногу сколет и умрёт от заражения, как сдохла бабкимашина колова с проволокой в боку. - Хвастает своим мстительным подвигом Сергуня.

Все завидуют догадливости Сергуни и приходят к единодушному выводу, что благодаря сердобольности их собственных бабок немцу живётся очень хорошо и надо испортить ему эту хорошую жизнь.

Никаких вредительских идей сразу на ум не приходит. До сих пор наблюдение за вражеской стороной велось издали и ближе полусотни метров к захватчику никто не подходил. Срочно был разработан план по сокращению дистанции наблюдения. В качестве отвлекающего манёвра решено было каждому прокатить по тропинке, рядом с которой обычно стоит вражина, ржавый обруч от старой деревянной бочки и хорошенько рассмотреть немчурю с самого близкого расстояния, а уж потом решить, что с ним делать дальше.

Вот и моя очередь идти в разведку. Удачно катнуто кривоватое железное колесо, вовремя подхвачено проволочной рамкой, с противным ржаво-скоблящим, подбадривающим всех визгом я качу его по тропинке и во все глаза пялюсь на нашего противника. Сердчишко моё готово выпрыгнуть из груди. Как быстро сокращается рас-

стояние до стоящей на берегу ко мне боком человеческой фигуры.

И вот уже нет ничего вокруг кроме худого костистого человека. Бледность и худоба его ошеломляют меня, я сбиваюсь с ритма, колесо выпрыгивает из рамки поддержки, некоторое время катится впереди меня самостоятельно, потом начинает вихлять в песке, уходит в сторону и беспомощно падает у ног пришельца.

Как - только обруч вырвался из рамки и пропал вдохновляющий скрежет, я вмиг осознал катастрофу своего положения и застыл на месте с расширенными от страха тазами. Ничего я не видел в этот момент кроме заведённых за спину восково-меловых рук, безвольно поддерживающих одна другую. При падении колеса пальцы этих рук вздрогнули, пришелец повернул голову в мою сторону и наши взгляды встретились. Чего больше - страха или любопытства - нашёл он в моих глазах, осталось известно лишь ему одному. Я увидел в его пустующем взгляде близость смерти, его смерти. В следующий миг всё пропало, лишь голубовато-безмятежно стремилась в даль дорожка родной реки, да темнел обочь её сосновый бор, а во мне навсегда остался этот холодеющий взгляд пришельца и жёлтый сыпучий песок "немцева места".

Никто больше не катал обруч, все вдруг поняли, что этот ненавистный нам человек, уходя от нас навсегда, вернул нам эту землю, принадлежащую нам по праву. С собой он унёс свою боль, унёс всю нашу детскую ненависть, мы вдруг разом все повзрослели, ходили притих-

шие и несколько удивлённые происходящими в нас переменами.

Никто больше не замышлял против чужака ничего плохого, но вскоре он сам, также внезапно и незаметно как и появился, бесследно исчез, оставив нам этот мир, который так хотел покорить.

Александр Дёшин

* * *

Глазел мальчонка на собаку,
Всем существом своим глазел,
Забыв коньки, машины, драки, -
Живой восторженный пострел.
И сколько в этом взгляде было
Не детски преданной любви!
- Смотри, тебя б не укусила, -
Большие дяди берегли.
Они поспешно уходили,
Дела у них – взамен сердец.
На белом свете двое были:
Собака эта и юнец.

СТАРИК И ЛАСТОЧКИ

«В чем только держится душа,
А как, смотри, летает!
Ах, право слово, хороша!
Артистка, мать честная!»

Старик корявым пальцем скреб
Небритую щетину.
И худ, и стар, ну краше – в гроб,
А он – пасет скотину.

Сидит он, древний, на холме,
Чудак, большой философ.
И задает наедине
По тысяче вопросов.

К нему я часто прихожу:
«Щебечут божьи птахи,
А я на них вот все гляжу.
Падения и взмахи.

Вон, глянь, над самой над водой!
Готова окунуться!
Вот виртуозка, Бог ты мой!...
А вон еще несутся

В двух сантиметрах от воды
Ластушки - щебетушки.
К чему подобные труды?
Так вот, не жди простушки.

Увидишь ласток над водой –
Бывать дождишку вскоре.
Они - барометр, брат, живой,
Они всегда в дозоре!»

Старик надолго затихал,
Как подобает древним.
И одиноко пес брехал
В другом краю деревни.

ПОЛДЕНЬ В ИЮЛЕ

А высь-то какая, взгляни!
А небо-то, небо-то, небушко!
И запах печеного хлебушка
С истомой июльской земли.
А высь- то, какая, взгляни!
В траву упади на распятые,
Забудь про измятое платье,
Приникни к земле и пойми,
Где радость берут эти дни.
Откуда же столько красы?
Ах, как же красы этой много!
Себя вдруг почувствуешь богом
И силу возьмешь от земли.
Откуда же столько любви?
В тебе вдруг душа встрепенется
И радостью светлой прольется
На эти бездонные дни.
Взгляни же, скорее взгляни!
Себя ощути человеком,
Себя в своем собственном веке.
Величие дней оцени.
А высь-то какая, взгляни!
Мгновение это бесценно,
Оно навсегда во Вселенной,
Как звездного неба огни.
А высь-то какая, взгляни!

Наталья Иванова-Писарева

ДЕРЕВНЯ МОЯ

Эх, деревня моя деревянная,
Заколоченная да желанная.
Три старушки да дедко один.
Обвалившийся старый овин.
А была-то, была богатейкою,
Разудалою да с затейкою.
У хозяев дворы-то крытые,
У хозяек столы-то накрытые -
Щами кислыми да с блинами,
Да с подовыми пирогами.
А на улице парни пляски ведут,
Девки баские песни поют.
Старики да старухи на лавке,
Ребятишки резвятся на травке.
А сейчас захудала желанная,
Заколоченная, деревянная.
Возродись! Стань опять богатейкою!
Разудалою да с затейкою!

СКАЗКИ

Бьется огненной лисицей пламя в печи,
Пляшет девкой-огневицей сказка в ночи.
То чертями длиннохвостыми с рогами,
То конями удалыми с бубенцами

Сказка – песня
Сказка – басня
Сказка – повесть.

Уносила меня сказка в океаны.
Поднимала меня сказка за туманы.
Да за облачную даль к царю Кашею.
У царя Салтана мед пила да пиво.
А в подводном царстве рыбкою я плавала.
Пролетала на ковре, на самолете.
Повидала жизнь в парче и жизнь в отрепье.
Не у всех, кто был в парче, душа парчева,
У иных тело в отрепье, душа в золоте.

Сказка – песня
Сказка – басня
Сказка – повесть.

Посмеялась сказка всласть над глупцами.
Похвалилась сказка встарь мудрецами.
Возносила до небес она Иванов,
Разносила в пух и прах царей, султанов.
Ай да сказка! Молодец! Молодчина!
Пусть не будет ей конца от почина.

Сказка – песня
Сказка – басня
Сказка – повесть.

Ты скачи, огонь, лисицею в печи.
Ты пляши огневкой, сказка в ночи.
Для детей ты будь утешою ко сну,
А для юных будь опорой в строю.
Ну, а стареньким старушкам, старичкам
Для внучат рассказывать сказки по ночам.

Вологда моя, Вологда.
Ситцевый край берез.
Светлая моя Вологда,
Сердце с тобой срослось.
С кажет мне южный житель:
-Топи, болота и грязь...
-А погляди, погляди –ко,
Льна голубая бязь!
А погляди –ко: пылают
Рябиновые костры!
И никогда не сгорают
Клюквенные угольки.
Пусть хоть болота и грязи,
Поступь моя легка.
Ягоды кислой отведай –ко
Из моего кузовка...

СЕВЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Спасибо вам, березы белые,
За милый северный уют.
За вашу красоту несмелую,
Для сердца моего приют.
Зимою в серебро одетые,
Под солнцем северного дня
Сияете в великолепии,

К себе красой своей маня.
Пора наступит - сок живительный
Забродит в почках и весна
Забрызжет пеной удивительной
Светло – зеленого вина.
Красуясь летом, пышной кроною,
Вы, прямо к солнышку махнув,
Крылами – ветками зелеными
Наш гордый воскресите дух.
А осенью природа золота
Не пожалея, нарядит
Березы вокруг старинной Вологды,
Красою яркой наградит.
Спасибо вам, березы белые,
За милый северный уют.
За вашу красоту несмелую,
Для сердца моего приют.

ДАЧНИКИ

Автостанция опять битком набита.
Кто куда! Эх, дачный ты сезон!
И спешат степенно – деловито
Дачники со всех, со всех сторон.
Дачники. А прежде кадуйчане,
Кадуйской земли извечен зов.
Питерцы теперь, череповчане...
Всех зовет к себе родная кровь.
Хорошо в родимый дом вернуться,

Босиком траву примять в пути,
Посудачить с бабкой у колодца,
С внуком за околицу уйти.
И услышать утром « ку-ка-ре-ку»,
О подойник струи молока.
Кадуйские добрые рассветы-
Все это в сердцах и на века.
И хотя мы в юности мечтали
В города умчаться, там осесть,
Ветками мы в небо улетали,
А корнями оставались здесь.

Александра Козырева

Играют мальчики в войну.
И все мы знаем почему:
Жизнь не спокойна на планете,
Об этом знают даже дети.

Играют мальчики в войну
Чтоб защитить могли страну.
Чтоб не пришла в наш дом беда,
Готовы к ней должны всегда.

Играют мальчики в войну,
Чтоб каждый верить мог в мечту.
Чтоб были счастливы все дети,
На нашей солнечной планете.

Ульяна Королёва

КАДУЙ

Здесь прошло мое лучшее детство,
Пролетели минутой года,
Хоть живу в городке по соседству,
Так хочу я вернуться сюда.
Прогуляться по старым аллеям
И насытиться свежей сосной.
Здесь становится сердцу теплее
Летом, осенью или весной.
Только здесь, провожая закаты
И встречая рассвет издали,
Ты поймешь, что не понял когда-то,
Что поселок с тобою внутри.
И захочется радостно плакать
Оттого, что с тобою всегда
Милый Кадуй, что жжет твою память
В потухающем пламени дня.

УЧИТЕЛЯМ

Вы дали нам путевку в жизнь,
Открыли горизонтов много.
И, может, звезды так сошлись,
Что нам подвластны все дороги.
Любовью грели, берегли,

Дарили теплоту и радость,
Вложили всё в нас, что могли,
Преодолевая боль, усталость.
Ночами, не смыкая глаз,
Читали наш корявый почерк.
И красной пастой каждый раз
Искали счастье между строчек.
Чем старше вырастали мы,
Тем непослушней становились.
Хотелось больше нам любви,
Такой, какой вовек не снилось!
Свободы так хотелось нам,
И мы с уроков убегали.
Но вы, мудрей не по годам,
Нам все ребячества прощали.
Спасибо вам, Учителя,
За то, что возвращает память
Нас на крылечко сентября,
Где снова дети рядом с вами!
Живем мы в разных городах,
Храня дарованные знания.
И всё, что можем дать мы вам -
Любить в стихах сквозь расстоянья!

Валерий Кузьмин

КОЛОКОЛЬЧИК

Улыбнёшься ты - и слышно в поле
колокольчик звонче зазвенел.
Улыбнёшься ты - и поневоле
я к тебе навстречу полетел!

Примут нас луга, родные травы...
Наберём букет - да ещё тот!
Зазвучит июль во все октавы
колоколом, выгнув небосвод.

С ДОЖДИНКАМИ....

С дождинками, упавшими в реку,
мальки резвились и играли.
И на своём, на небольшом веку
они ни бед, ни горестей не знали.

А мальчик опустил сачок...
И зачерпнул серебряные льдинки.
На берег высыпал... Ему и невдомёк,
что о мальках так плакали дождинки.

ЛЕЩИНА

Едва лишь март шагнёт к вершине,
капель смахнув с весёлых глаз,
Красотка редкая - лещина
с ольхой затеет перепляс.
По косогору, вдоль опушки
под пчёл весенний хоровод,
встряхнёт серёжки-завитушки,
косынкой жёлтою взмахнёт!
И в лето бросится как в омут,
в листве до времени замрёт...
И только птичий посвист-гомон
меня к орехам приведёт.

ЧАГА

Нахлынула хворь.
Мне и дело не дело.
Я думал с болезнью
Не будет и сладу.
Но бабушка взглядом
Ощупала тело:
"Забегашь, паря...
Заварим-ка чагу!"
Сказала и вышла.

А я же всё думал,
Туда и сюда
Притыкал это слово.
И виделся лес мне
В зелёном разгуле,
С лосиной тропюю,
С водой ключевою...
С таинственной чагой -
Царицей лесною.

ПЕРЕКЛИКАЛИСЬ КУКУШКИ

Перекликались кукушки
на странном своём языке.
Учил "Домострой" на опушке
отряд муравьёв. А в реке
купалась кувшинка... И всюду
на небе, на водах, в лугах
звучали аккорды прелюдий
для глаза невидимых, птах.
Бобёр колдовал у запруды
рождая плотины-мосты...
И были деревья, как люди,
и душу имели цветы!

ЗА КОСТЯНИКОЙ

"Костяника, костянишка...
что за ягода такая?" -
Вопрошает мой братишка,
озадачив нас слегка.
Ни дружок, ни я не знаем,
ну а всё-таки, а всё ж,
взять с собою обещаем -
коли так уж невтерпёж.
По утру лукошки в руки
и до бора чуть не вскачь.
...Входим в лес,
а там то стуки,
то какой-то слышен плач.
То ли леший ходит-бродит,
то ли старый Берендей
царство с утречка обходит,
охраняя от людей.
Глубь лесная нас пугает.
Видим: бабушка Яга
костяной ногой ступает,
да с кусточков кровь срывает...

Мы же, глупые... в бега...

ВЕСНА. ЛЯГУШКИ В ЛУЖИЦЕ

Весна. Лягушки в лужице,
Настроив голос квакают.
И все как будто сызнова,
Как будто в первый раз!
Цветет, цветет калужница,
Свиданьем первым радует,
Цветами золотистыми
Вновь удивляя нас.

А там уж ландыш тянется,
Раскрыв бутоны-люстрочки,
Ромашки улыбаются
Сиянию небес...
Запели колокольчики
И лето не кончается!
И мы с тобою с утречка
Уходим в луг и в лес.

И все у нас получится.
И все у нас исполнится...
Пока земля вращается,
Вершит заветный круг -
Все от того, что, веря в нас,
Природа улыбается,
И в чистой, светлой горнице
К нам тянет сотни рук.

У ОЗЕРА

Здесь небо в расплывчатых красках весны,
глуха и безлюдна округа.
На отмели желтой блестят валуны...
И лодки - как древние струги.

Развешаны сети у самой воды,
и взгляд рыбака простодушен.
И, кажется, нет здесь ни зла, ни беды, -
уклад вековой не нарушен.

Здесь все по-другому... И времени ход -
как первый шаг луннохода.
Шаманит бабуля... И бубен трясёт
с ней, как сговорившись, природа...

НА СВЕТЫХ ВЫРУБКАХ

На светлых вырубках,
поближе к солнышку
малину брали...
Смеялась матушка:
"Эх, горемычный,
не скрыл и донышка!"
И становилась
Со мною рядышком.
И подсыпала
за горсткой горсточку,

и подсыпала
за горсткой горсточку...
на светлых вырубках,
поближе к солнышку.

СНЕГ

...И вновь из памяти звоночек:
я этот снег однажды видел! -
Кружил, искрился между строчек,
среди домов, электролиний...

Над головою зависая,
под небо круто уходящий –
он, вдохновение рождая,
дарил душе полёт звенящий!

Я подставлял ему ладони.
Снег падал тихо, беспристрастно...
А мне казалось, мир утонет
в его нашествии прекрасном!

Мария Маркова

Как будто я знаю, куда приведёт меня память,
пчела повивальная: плакать и медленно падать.
Терновый мой вестник, последний мой провожатый,
жестокий и звонкий, к щеке опалённой прижатый.
Как будто я знаю — июнем иду налегке —
какая из улиц спускается к самой реке.
Там всё ещё заросли, белые цветники,
ивовые заросли, дымчатые венки.
Полощут бельё, и вода забирает на дно
то ленту, то юбки воздушное полотно.
Одна наклоняется. Икры блестят от воды.
И овод гудит. И вода размывает следы.
Другая под нос напевает, свивает жгуты.
Над ней стрекоза, синева, пустота высоты.
Так просто, как всё, что вокруг происходит всегда, —
и овод гудит, и следы размывает вода.
Как будто я вижу, вот тут подглядела случайно,
как падает камень, как щепку уносит, качая.
С корзиной тяжёлой идут, поднимаясь, легки,
неясные тени, забытые старики,
совсем ещё юные, гибкие — не спугни.
Они ведь уверены, что совершенно одни.

Снег появился, а потом пропал,
но мальчик во дворе, замешкавшись вначале,
успел и снегом до ногтей пропах,
но убежал, когда его позвали.
А я стою под ледяным дождём, —
снег кончился на мне — нетерпеливый.
А я смотрю на самый ближний дом
и думаю о нём неторопливо.
Промокли ноги. Ноги, а-я-яй.
Замёрзли руки. С кем бы обменяться
всепонимающим и пристальным, за край
не заступая. С кем бы не бояться.
Но лучше так. Но лучше обогнуть
пятиэтажку, мимо ив безлистных
пройти легко и в темноту свернуть.
Но лучше гневно, яростно сверкнуть
и промолчать. Красноречиво. Чисто.

ВЕТКА НИГИБКАЯ

Если помнишь, из детства, листва то сольётся в одно
торопливое облако, то распадётся, мельчая,
и зелёная гибкая ветка ударит в окно.
Из буфета достанут шербет, позовут тебя к чаю.

Удаляясь в родительский сумрак, за пазуху лет,
в пряный запах травы, что с жарой и с июлем срастётся,
видишь явственно завтра и дерева светлый скелет,
или дерева нет, только дворик заполненный солнцем.
Предстоящее завтра и суше, и строже, чем мать,
но, по-прежнему, музыка – та же – рассыпана мелко,
чтобы было за что зацепиться, запомнить, поймать,
уцелеть в перестрелке.

Ясноглазая память, мальчишка, катись колесо.
Занавеска шевелится. Ветер играет тенями.
Муравей, поднимаясь по ложечке, видит песок,
белый сахар, пустыню, лежащую там между нами.
Всё достойно быть сказанным – слово ценней тишины,
продлевая во времени нас. Повторю, замечая
муравья у коричневой лужицы, края волны
потемневшего моря, пролитого крепкого чая:
всё достойно быть сказанным.

Спутник твой, тот муравей,
проживает тридцатую жизнь, воплощаясь в собратях,
и ещё за столом навсегда – повернуться левой –
твоя строгая мать в плиссированном синеньком платье.

И сейчас это ты, моя ветка негибкая, ты,
сухостой, пустоцвет, поскребёшься в стекло, вызывая
муравья на свиданье из самой глухой темноты,
из такой темноты, где душа не бывала живая.

ИРОЧКА

Помню, все мы бежали к реке,
в ослепительном солнце горели,
на своём языке щебетали
и летели, летели с горы.
Птицы лёгкие, просто птенцы,
как один, тонкорукие дети,
пролетели, почти не дыша,
а теперь — никого не найти.

А теперь никого не найти,
но из пёстроного гомона, крика
выделяется голос один —
земляника, — зовёт, — земляника.
У одышливой Ирочки есть
позвонок журавлиный, но вес —
как бежит она, ты погляди-ка,
спотыкаясь на каждом шагу,
лоб в испарине, щёки багровы,
и свистит: не могу, не могу,
я так быстро бежать не могу,
я потом догоню, — и ни слова
ей в ответ.

Где ты, Ирочка, где?
Спишь ли в травах шумящего леса
или белой звездой на воде
ты сияешь, не чувствуя веса?
Или ты за прилавком своим
продаёшь целый день молодым

дым забвения, воду Коцита?
А ещё бы любви им, но нет —
этот чистый нетронутый свет
не найти в темноте дефицита.

Земляника, — шепчу, — обернись,
руки сладким испачканы соком,
грузный птенчик двора, что нам жизнь,
искупавшимся в смерти высокой.
Мы с тобой полетим, раз-два-три,
нелюбимые дети, за нами —
тополя и дома, посмотри,
список летних проказ с именами.
Нас накажут за этот полёт,
поменяться не в силах местами.
Мы с тобой от земли оторвёмся вот-вот
и совсем невесомыми станем.

А вчера в новостях сообщили
то, чему никогда не бывать.
Нас истории в школе учили —
воевать, воевать, воевать.
С деревянным спешил автоматом
белобрысый Андрюшка к кустам,
и стояли босые солдаты
на расстреле своём по местам.
Убегаешь из дома с горбушкой

и ломаешь её на бегу:
это мне, это верной подружке,
а остаток к игре сберегу.
Этот хлеб, выдаваемый мною
за блокадный, за страшный кусок,
мы считали войною, войною.
Мы ложились в холодный песок,
обмирали, ползли на разведку
и смотрели на вражьи дела,
а с маГАзина с тощенькой сеткой
баба Валя по улице шла.

Об ушедших вслух не говорю.
Все они оплаканы от сердца.
И под снегом неба на краю
я для них рубашечки крою,
чтобы каждый мог потом одеться.

Выйдет Вера, чистая, как свет,
и ресницы длинные поднимет.
Выйдет Рая, а за нею – дед.
Деду восемь или девять лет,
а у Раи – праздник, а не имя.

Для её небесного крыла
тот рукав из самого земного
полотна полынного, льняного
отпевает целый день игла.

Будет прах в сиянье облечён
и спасён от смерти и распада.
Станет прах одной из жёлтых пчёл
в облаке сиреневого сада.

Пусть в саду, над лугом и в лесу
пчёл моих за то, что рядом были,
держит этот воздух на весу
легче лёгких ангелов и пыли.

ГОЛОСА

Голоса живут в другой стране,
где в горшочках красных на окне –
белая геранька и алоэ.
Мама ходит в платье по стране.
Папа носит тонкое пенсне.
Ветер пахнет снегом и золою.

А в кульке бумажном полкило
карамели – вот уж повезло –
розовой, с немислимой кислинкой.
Можно просто спрятаться в углу
и трясти по памяти золу,
и справлять по памяти поминки.

Мама будет плакать и молчать.
Папа будет пить с мелиссой чай.
Ветер будет листьями играть.
Я же буду чаще замечать,
что слова кривятся и горчат,
а пластинка будет заикаться.

Там они – чужие голоса.
У меня же мамины глаза
и от папы что-то, как приметы.
Вот, мол, я какая тут сижу
и в альбом потрепанный гляжу
на герань, прозрачную от света.

Наталья Миняева

ПРЕДАННОСТЬ

В нашей деревне Уйта в золотисто-солнечном доме с резным палисадом, прямо как в песне - «Вологда-гда», живет трудолюбивая семья Беляевых. Хозяин, Юрий Васильевич, - заядлый лесник. Лес для него - открытая книга, постоянно влечёт своими тайнами, суровой красотой и щедростью. В лес он ходит с преданным другом – своей собакой Юной. Породистую карело-финскую лайку восемь лет назад, когда она была чуть больше рукавички, полюбила вся семья, особенно дочь – Надежда и внучка - Александра. Так и сложилось у пушистого друга имя – ЮНА (Юрий, Надежда и Александра).

Однажды летним днём Юна бегала у колодца во дворе дома, а хозяин заканчивал косить траву. Вдруг он замер, насторожилась и Юна. Они одновременно посмотрели в сторону колодца, откуда доносилось зловещее шипение. Юрий Васильевич остолбенел, он увидел, как совсем рядом с ним змея приняла стойку и, шипя, приготовилась наброситься на него. Собака, почувствовав, что сейчас случится страшное, мгновенно бросилась к змее и откусила ей голову. Змея была обезврежена, но всё же укус достался собаке. Юна начала терять силы. Когда ей принесли еду, она даже не подняла головы. Хотя, когда местный медик делал укол, она пыталась полаять на него и даже укусить, но движения её были слабыми и беспомощными. Укол принес небольшое облегчение.

Утром неверной походкой, собака медленно побрела в сторону леса. Всё, пошла в лес помирать, с горечью подумали хозяева и с грустью смотрели ей вслед. Прошло несколько часов. Хозяин подошел к калитке, и каково было его удивление, когда он услышал знакомый залихватистый лай. Юна, здоровая и энергичная, бежала из леса. То ли лесная трава, то ли болотная вода, а может быть и сам лес-батюшка вылечил, дал силы и спас Юнону от смерти. Радости не было предела: ведь вся семья здорова и в полном сборе.

Валентина Пантюшина

ДИНГА

*Человеку мало надо,
Лишь бы кто-то дома ждал.
Р. Рождественский*

Двадцать с лишним лет уже нет у меня этой собаки, но до сих пор не могу её забыть. Много писала я о разных животных, кошках и собаках, ящерицах и птицах, даже о медведях, с которым приходилось мне общаться, а о Динге своей любимой написать все никак не могла собраться.

Довелось мне оказаться в спецсанатории «Гвардейское», где я пробыла шесть месяцев. Больные там были со всех концов России. Лечили глаза. Санаторий находился в лесу, в восьми километрах от финской границы, на Карельском перешейке. Под жилые и лечебные здания здесь были отданы расположенные в живописной местности, на берегах небольшого озера Сало-Ярви, старинные дачи бывших состоятельных российских сановников. Меня поместили на дачу № 3, принадлежащую ранее министру Родзянко. Поскольку санаторий располагался в пограничной зоне, то для проезда в город нужны были справка главного врача и пропуск, поэтому мы чаще всего и в свободное от лечения время находились на территории санатория. Врачи всем рекомендовали максимум времени проводить на свежем воздухе, но зимой там

было холодно, а летом заедали комары. Однажды врач отругал меня зато, что на холоде зимой ловила в лунке рыбу. А мне такой способ ловли нравился, да и клевало у меня хорошо. Рыбу чистить не приходилось, потому что соседки по палате, не разрешавшие мне это делать, сами чистили ее и варили уху. Тогда даже в любительском кино показывали, как я ловлю рыбу.

У шеф-повара санатория была собака Альма. Щенков раздали, а один остался. Я часто брала Альму с этим щеночком на прогулки в лес, и собаки ко мне привыкли, не могла без них и я. Хозяйева назвали щенка Динкой, но окрас и щенка, и мамы Альмы был как у дикой собаки динго, поэтому я малышку переименовала, назвав Дингой.

На длительных прогулках Динга, устав, просилась иногда ко мне на руки, и я не отказывала ей в этом, ведь так приятно было нести теплый, нежный, пушистый комочек, доверчиво прижавшийся к тебе. Даже главврач разрешил мне в тихий час брать собаку в палату; соседки мои, тоже полюбившие Дингу, не возражали, ведь тишина и режим абсолютно не нарушались.

Когда пришла пора ехать домой в Мурманск, я не знала, как расстаться с моей Дингой... И хозяйка мне ее подарила. Все были в изумлении оттого, что с Карельского перешейка, с двумя пересадками, с грузом вещей я повезла в Заполярье в коробке беспородного щенка.

В Выборге я купила для Динги поводок и шлейку. По пути из магазина на вокзал мы встретили хозяйку, подарившую мне щенка.

- Ой, Динка! Смотри-ка, мы еще с тобой встретились, — радостно воскликнула она и слегка потрепала ее за подбородок, на что Динга ответила... грозным рычанием, чего за ней до этого момента не замечалось.

Ах, ты, не узнала меня что ли? А помнишь как я тебя вчера в душе-то мыла, как ты визжала-то?

Но Динга не захотела об этом вспоминать, она отвернулась от нее, прильнув к моей груди, спрятала свою мордочку у меня на шее.

В Ленинграде на Московском вокзале ко мне подошел мужчина и стал просить продать ему Дингу.

- Нет! Я друзей не продаю! — сказала я твердо, и мы с Динулей, гордо восседающей на сумке в коробке, пошли к зданию вокзала, где оставили свои вещи.

В Мурманске у меня гостили мама и ее сестра. Пришла и соседка. Динга к незнакомым относилась с осторожностью. А я уже к этому времени разобрала ту сумку с колесами, на которой в дороге восседала Динга, и выкатила ее в прихожую. Динуля же, страшно встревоженная окружением чужих людей, ничего не понимая, забегала по комнате в поисках сумки. Не найдя ее, она со всего маху вскочила на диван, встала на задние лапки и с горестным видом хлопнулась вниз животом, вытянув вперед лапки, и горестно зарыдала, ну прямо как человек.

Все засмеялись, кроме меня. Сходив в прихожую, я притащила заветную сумку. Динга обрадовалась и вскочила на нее. А сумка-то уже пустая была, без коробки, ее поддерживающей, так что моя любимица провалилась вместе с осевшей сумкой и лежит, не встает, боится рас-

ставаться со своим убежищем. Я взяла собаку на руки, сказала ей ласковые слова и пообещала, что жить она будет теперь здесь.

Когда поспела морошка, друзья позвали меня за ягодами. Динуле было всего четыре месяца, и я понимала, что в лесу ей будет нелегко. Но оставлять дома одну тоже было жалко, так что я все-таки взяла ее с собой. Всем понравилось геройское поведение Динги, когда мы ехали в кузове грузовой машины. На болоте встретился нам ручей, который все перешли по березовому стволу. Динга же забоялась: ручей многоводный, течение быстрое. Я перешла на другой берег и стала ее звать. Делать нечего — неспешно пошла и она, но вдруг, поскольку зацепилась за перекладину. Тут и я, вернувшись, помогла. Обтерев ее сухим платком и догнав остальных, я все-таки беспокоилась о том, как бы Динга не заболела, но меня успокаивали: «Собака же она — все выдержит». Утверждение оказалось правдивым.

Кроме нас на болоте было много людей, так Динга лаяла, реагируя на них. На тех же, с кем мы ехали в машине, она не залаяла ни разу, хотя знакомы они не были. Возвращаясь обратно, наши попутчики сказали: «Ну, Динга, с тобой можно ездить: и от своих не отстанешь, и чужих не подпустишь». Мне это было слышать, конечно, приятно.

Пришла пора мне ехать в отпуск. Дишу с собой я не взяла, так как у меня была туристическая путевка на Камчатку. С кем оставить собаку? Свою помощь предложили

знакомые, жившие в Мончегорске. Поезд на станцию Оленья прибыл ночью. Дингу со всеми документами (паспорт, справка из ветлечебницы) передала из рук в руки дежурному милиционеру с тем, чтобы утром ее взяли мои знакомые. Она не сопротивлялась, но была очень серьезной и заметно расстроенной. Позже милиционер рассказал, что до утра она не подавала голоса и от еды отказывалась.

В Мончегорске Динга пробыла три месяца. Когда я вернулась с Камчатки, то в первую очередь поехала туда. А Динга уже ощениться успела. Застала я ее мирно обедающей треской из одной тарелки с сыном Матросом и котом Антоном. Первым насытился и пошел спать кот, потом — Динга, а Матрос схватил треску за хвост и поволок, лукаво озираясь, в другой угол. Подошла Динга, взяла у него этот хвост и стоит, держит его в зубах, никуда не уходит. Тогда Матрос начал у нее эту рыбу отнимать. Она не возражала. Щенок схватил рыбу и, радостный, убежал. Динга подошла, взяла хвост трески и стоит, держит в зубах, ждет, когда сын будет отнимать рыбу. А тот, плут, пролез между задних ног под брюхом Динги, схватил рыбу, которая и размером-то была чуть поменьше его, и уволок. Чувствовалось, что Динга была довольна (видимо она обучала его пищу добывать).

Однажды на праздник Севера со всех городов приехали лыжники. Я была среди зрителей, и один из лыжников, любитель животных, попросил показать ему моих питомцев. Только протянул он к щенку руку, Динга молча встала и легла, строго поглядывая, между ним и щенком: мол, только через мой труп. Мужчина сразу отдернул ру-

ку, а я взяла Матроса и подала ему, одновременно успокаивая Дингу.

А вот другой случай. Хозяин дома, где гостили моя питомица и я, лежал на своей двуспальной кровати, смотрел футбол. Динга лежала под телевизором, наблюдая за сыном, который бессовестно издевался над котом. Тот лежит на полу, нежится, а Матрос вокруг него: то за уши потеребит, то за хвост, то за живот. Но терпение кота лопнуло, когда Матрос стал теребить его за шерсть под хвостом. Кот не меняя позы, поднял голову и чуть-чуть приподнял правую лапу. Он всего лишь предупредил Матроса, а сам вскочил на стол и разлегся там, в недоступном для щенка месте.

Но Динга... Когда кот приподнял лапу, она вскочила из-под телевизора и, как молния, ринулась на кота, замахнулась на него лапой, но не ударила. Вот после этого кот и ушел в безопасное место.

Хозяин, похоже, и не обратил внимание на эту сцену: встал, взял кота, положил его себе под бок, а Матроса устроил рядом, да так, будто кот обнимает щенка. И — тишина...

Хозяин баловал Матроса, а тот хулиганил без меры.

Однажды так расшалился, бегая по лежащему на кровати хозяину, что со всей прыти упал с кровати на пол прямо головой. Ушибся настолько сильно, что взревел не своим голосом, чем очень напугал Дингу. Настоящие слезы в этот момент лились из глаз Матроса. Даже непробиваемый кот Антон подошел и лизнул его.

Вернулись мы с Дингой в Мурманск. Жили на пятом этаже, а выгуливать ее приходилось дважды в день. Дин-

га была очень общительной и доброй. Во дворе дружила со всеми собаками, особенно с Зюзей. Бывало, как только скажешь, что Зюзя уже гуляет, Динга подбегает к окну, встает на задние лапы, а потом мчится к дверям.

А однажды Динга привела домой бездомную дворняжку и разрешила ей есть из своего блюда. Я, конечно, была против, но когда, выйдя из квартиры, увидела эту псину лежащей около дверей, сжалилась, поставила еду и разрешила спать на нашем коврикe. Никто из соседей не возражал, потому что собачонка не мешала и ее голоса не было слышно. А ведь каждому животному хочется иметь свой угол, где бы он чувствовал себя в безопасности.

Как-то я пошла на работу, и эта собачка увязалась за мной. Я ничего не могла сделать для того, чтобы вернуть ее, так как опаздывала на работу. В контору я ее не пустила, но вскоре сотрудники сообщили, что собака по-прежнему сидит у дверей, и попросили меня ее оттуда убрать.

Я ее вывела на улицу и велела идти к Динге, но она не хотела никуда уходить и снова явилась ко мне в бухгалтерию. Все, боясь заразы, окрысились на меня, а дворняга залезла под стул и даже меня не слушает. Тогда я сказала: «Выставляйте ее сами и выбрасывайте на улицу, раз вы хуже зверей». Одна попыталась это сделать, но только протянула руку — собака зарычала. Женщина струсила, отскочила. Опять меня стали заставлять убрать дворнягу. Я, в слезах, взяла тогда ее на руки (она даже не сопротивлялась), вынесла на улицу, положила у палисад-

ника и попросила ждать меня здесь, пообещав, что забереет, когда пойду домой, к себе навсегда.

Но позже ее на этом месте не оказалось: она, бедняжка, все поняла и ушла неизвестно куда.

За одиннадцать лет совместной жизни у нас с Дингой всякое случалось. Вот, например, в Кандалакше не пускали меня в гостиницу с собакой, хотя у меня и все документы не нее были в порядке. Но все-таки я устроила Дингу на квартире у уборщицы.

Вдруг в час ночи будит меня администратор и говорит: «Забирайте свою собаку: лает, покоя не дает». С тех пор Динга сама стала приходить ко мне в номер незаметно для администратора и вперед меня. Вела она себя всегда тихо, никого не беспокоя.

Однажды в гостинице одиночных номеров не было, и меня поместили в общий, где было пять человек. Все доброжелательно отнеслись к Динге, кроме одной дамы. Так моя кровать пустовала, а я спала в вестибюле на стульях, чтобы Динга не волновалась. Я привязывала ее к отопительной батарее, а она, как только видела меня, вскакивала, поднималась на задние лапки, а передними часто-часто хлопала, вроде как в ладушки играла. Все удивлялись. «Вы из цирка?» — спрашивали меня некоторые. А если, бывало, мы мимо очереди проходили, Динга, обойдя всех, становилась против кого-нибудь и давай в ладушки играть: человек в недоумении спрашивал: «Что это она? Богу молится?». Я отвечала, что, наверно, в сумке почуяла что-то вкусное. И, действительно, женщина открыла сумку и доставала оттуда угощение для Динги.

А когда я работала воспитателем в пионерском лагере, то Динге место было отведено там, где хранилось сено, а в помещение вход был запрещен. И она ни разу меня не подвела. Я со своим отрядом на прогулку — она с нами; как возвращаемся, она — на свое место, а мы дальше идем. Дети были без ума от общения с Дингой. Каждому хотелось ее угостить, но я запретила ей попрошайничать, а детям — ее баловать. Но понимая, что детям хочется ее угостить, я однажды разрешила ребятам взять с собой по кусочку колбасы, чтобы каждый мог исполнить свое желание. Подойдя к Динге, все, чтобы беспорядка не было, выстроились в очередь, и она перед каждым играла в ладушки, чем все были довольны.

В Кандалакше был еще такой случай. Там мне надо было проверить несколько организаций, так что жить приходилось подолгу. Я познакомилась, и даже сдружилась, там с научными сотрудниками Кандалакшского заповедника. Однажды после работы возвращалась я с одной из них по дороге, которая была прочищена бульдозером или грейдером. Сугробы по краям — человеку по грудь, а впереди по дороге играют две собачки: моя Динга и какая-то большущая дворняга. Разыгрались, прямо клубком катаются. Вдруг нас обгоняет грузовая машина. Шофер с ехидной улыбкой набавил скорость. Мы-то успели отскочить, но собаки... Большая успела взять высоту, а моя коротконогая Динуля на вершину-то сугроба заскочила, но тут же скатилась вниз, прямо под машину. Машина на всем ходу, Динга визжит, ее бьет то одним колесом, то другим, я кричу еще громче ее, но помочь некому, а произошло все очень быстро, я только ухмылку

водителя запомнила, а номера машины ни я, ни моя спутница увидеть не успели.

Я подобрала бедную Динулю, а она ничего не сообщает и меня не узнает. Мы окликаем ее, называем по имени — она не реагирует, вскочила и побежала в том направлении, откуда шли, мы — за ней. Когда я ее подобрала, она и идти уже не могла. Отдохнув, узнала меня. Мы зашли в столовую, а она осталась на улице. У нее вообще привычки не было заходить в магазины и столовые. Когда я обедала, она всегда ждала меня в любую погоду на улице.

Когда я вышла из столовой, Динга сидела на том же месте в той же позе и еду не брала. Кое-как мы добрались до гостиницы, я положила ее на коврик, всю прощупала: целы ли кости; она не реагировала, все еще, видно, в шоке была, голова особенно пострадала. Глаз на крови, на голове от мазута колесная грязь. Я промыла теплой водой с мылом темные пятна по всему телу от мазута, каждую шерстинку (а шерсти на ней было много). Пока я ее обрабатывала, она признаков жизни не подавала: то ли спала, то ли без сознания была, не знаю. Ветеринар меня успокоил, что пока я живу тут еще недели две-три, то у нее все заживет, так как собаки выносливы.

Забавных случаев с Дингой тоже было предостаточно. Однажды приходит ко мне приятельница и говорит: «Валентина Павловна, никогда больше не называйте Дингу душой». А за мной такой грех был. Я спросила: «Почему?»

Оказывается, дело было вот в чем. Подруга однажды вечером мылась у меня в душе. Попили чайку. По-

друге надо домой идти, но рядом с ее домом был ресторан, и вечером встреча с его посетителями была бы нежелательна. Я всегда ее провожала, а тут с мокрыми волосами (я тоже принимала душ) не очень-то хотелось выходить на мороз. Приятельница говорит: «Не выходите, пусть меня Динга проводит». Я и согласилась. Динга вернулась скоренько, я даже думала, что она не проводила Валентину Ивановну и мне от этого было как-то неудобно. Позже при встрече знакомая все разъяснила. Оказывается, они дошли до поворота на улицу, где жила Валентина Ивановна, и увидели, что у ресторана никого нет, а дом приятельницы совсем уже близко. Тогда Валентина Ивановна сказала: «Спасибо, Динушка, беги теперь домой». Но, обернувшись увидела, что на пути к моему дому играют несколько собак и Динга, присоединившись, убежала с ними во двор.

Валентина Ивановна боялась, что Динга с ними заиграется, а я пока ее дома не будет, спать не лягу. Боялась она и того, что я пойду звать Дингу домой и могу простудиться. А Динуля наша сразу же домой явилась, за что ее все стали уважать еще больше.

Раз в три года мне полагался бесплатный проезд любимым видом транспорта. Подошел срок воспользоваться этой льготой. Куда ехать? А мне всю жизнь хотелось везде побывать и узнать, где и как люди живут. Всю зиму изучала карту Советского Союза, выбирала маршрут с расчетом как можно больше увидеть нового, повидаться с теми родственниками, с которыми с детства не виделась, да чтобы и денег хватило на питание, сувениры и концерты артистов.

Долго мусолила карту и наконец выбрала маршрут. Списались с Владивостокским бюро путешествий, откуда позже пришла телеграмма на получение в милиции пограничного пропуска на право проезда по маршруту: Владивосток — Приморье — Сахалин — Курилы — Камчатка — Находка — Владивосток. До начала круиза было достаточно времени, и я еще успела в течение двух недель отдохнуть на Черном море, в Керчи. Круиз же вместо планируемых двадцати дней продлился более тридцати, так как в Приморье я получила черепно-мозговую травму от копыта благородного оленя марала, а на обратном пути еще познакомилась с Хабаровском и Уралом.

Таким образом, отпуск значительно удлинился, и Динга все это время жила дома с моей знакомой. Когда я вернулась, Динга встретила меня упреком, лая недовольным тоном, хотя чувствовалось, что была она безмерно рада. Из-за моей разъездной работы Дингу часто приходилось оставлять дома с квартиранткой, но моя любимица всегда знала, что я ее не бросила. Когда я, бывало, собиралась в путь без нее, говорила: «Я вернусь» Динга сразу успокаивалась».

Всякое бывало... Поехала я как-то по курсовке в Кисловодск с расчетом оставить Дингу у мамы в Бабаеве. Но на станции Апатиты она осталась, не успев заскочить в вагон. И я целый месяц горевала: садясь за стол, приговаривала: «Я-то курочку ем, а чем-то и где-то Динуля питается...» или, ложась спать, думала: «Где же спит моя Динуленька...»

Вернувшись из отпуска, отправилась в очередную командировку. В Кировск, куда я направлялась, можно было попасть только через Апатиты. Воспользовавшись этой ситуацией, с фотографией Динги исходила всю станцию и город. А когда была в Кировске, каждый выходной за тридцать километров ездила в Апатиты искать Дингу. Однажды зашла в багажное отделение, и дежурная мне сказала, что она работала в тот день и видела, как это собачка встречала каждый поезд с севера бегала по перрону, лая вслед поездам. Сообщила она и то, что взяла Дингу к себе работница станции, большая любительница собак. Я воскресла, когда держала в руках адрес той женщины.

Но радость была преждевременной. Хозяйка, оторвавшись от застолья, сказала, что собака была у нее три дня, но потом ее украли, однако она знает, в каком доме живет тот человек. Я—туда. Никто и понятия не имеет. На станции же сказали, что, скорее всего, та продала собаку первому встречному за бутылку. Я потеряла надежду.

Горевала долго. Но вот кончилась полярная ночь, настали солнечные дни. Я очень обрадовалась, когда мне выпала командировка в Кировск.

Однажды идем мы с сотрудницей после обеда из столовой в контору, которая там же находилась, только на четвертом этаже. Когда мы дошли уже до четвертого этажа, я случайно взглянула в окно и во дворе на снегу увидела желтое пятно, показавшееся мне знакомым. Меня как ветром сдуло вниз. Сотрудница — за мной. Стоим на крыльце и видим: небольшая собака что-то вынюхивает в снегу. Сотрудница крикнула: «Динга!» Собака

уши подняла, послушала и вернулась к своему занятию. У меня сердце забилось: чувствую, что это она. Я не крикнула, а только выдохнула: «Динга!». Собачка вздрогнула, вся вытянулась вверх, взглянула в нашу сторону и — мигом оказалась у нашего крыльца. Да не остановилась, а прямо сходу — прыг и своим носом прямо мне в губы (а я на второй или третьей ступеньке стояла).

Ой, что тут началось! Обе волнуемся, радуемся. А она, смотрю, неухоженная... под хвостом черно... Мне идти надо, а она не отходит от меня. Как быть? Уверенная в том, что теперь мы не потеряемся, я пошла наверх. Она — за мной. Неудобно: скажут мол, областной ревизор привела на работу какую-то грязную собаку. Вывела я ее на улицу, заверила, что не брошу, стала подниматься, а она опять за мной. Мне говорят: «Пусть заходит».

Сижу, работаю, Динга под столом лежит, положив голову на мои ноги. Но через некоторое время она стала звать меня на улицу. Я открыла ей дверь. Но Динга не вышла. Я села на рабочее место. Динга вновь стала звать меня на улицу. Я в смятении: что делать? Окружающие говорят: «Идите, что же собаку мучить». Я пошла. Динга ведет меня на улицу, через двор, где у входной двери другого крыла этого же здания встретился мальчик. Увидев Дингу, он, отталкивая ее, проговорил: «Иди, иди, гуляй». Я спросила, чья это собака. Он ответил: «Моя». Я безмерно обрадовалась. Он привел меня к себе домой. Мы зашли в комнату, и в углу на детском матрасике я увидела двух щеночков: один черный, а другой — в Дингу. Значит, это Динга меня звала, чтобы показать своих детей и покормить их.

Когда пришли хозяева, то рассказали про Дингу много интересного. Однажды к ним в гости приехал из другого поселка знакомый мужчина. На веревке у него была собака (Динга). Обрато возвращаться с ним она категорически отказалась. Хозяева, родители трех детей, попросили собаку оставить им, чему Динга, казалось, была рада. За волнистую шерсть назвали ее Волнушкой. Там она и прижилась, несмотря даже на то, что маленький мальчик бил ее по носу железной подставкой. Я была в ужасе, боялась, что Динга его укусит, но мать меня успокаивала: «Пусть бы и укусила, а то она от него все терпит и даже нянчит его». «Как?» — удивилась я. Оказывается кровать с ребенком была в комнате, где спали родители, а двое других ребят спали на кухне, Динга там же. Если ребенок начинал плакать, когда родителей в доме не было, Динга шла к соседней двери и звала соседку. А в отсутствии соседки сама забавляла его.

Когда я закончила свою работу, с родителями ребят договорилась о том, что Дингу они мне вернут, но чтобы ей легче было пережить разлуку со щенками, одного из них (которого тоже назвали Волнушкой) я увожу вместе с Дингой, а в следующий приезд верну, и у них будет своя Волнушка, точь-в-точь похожая на мать.

Динга всегда рожала по 7-8 щенят, и мне приходилось их подкармливать, чтобы ее не истощить. Бывало, уложу всех в корзину и с пятого этажа выношу гулять. Во дворе расстелю одеялко и высыплю их всех сразу, как грибы. Всегда толпа народу собиралась, чтобы малышами полюбоваться. Динга к таким прогулкам относилась спокойно, на глазах у всех ухаживала за детьми, обиха-

живала их, а потом сидела гордая и довольная, и люди их не трогали, не обижали.

Однажды пьяный парень пнул спокойно лежащую Дингу. Ой, что было... Соседские дети летом куда-то сбегали, притащили портьеру, положили на нее Дингу и подняли на пятый этаж. Щенки, до этого мирно лежавшие в своей постельке в прихожей, мигом выскочили, и, голодные, к матери. А ей уж не до них. Я положила ее осторожно на свою кровать — щенков как ветром сдуло... Ветеринар осмотрела Дингу и, выписав лекарства, за которыми я тут же убежала, ушла домой за шприцем. Я, вспомнила о голодных щенках. А они за дверью в прихожей на своем месте все в кучке сидят и молча играют. Один другого кто за ушко, кто за носик тихонечко трогают.

Валентина Ивановна ежедневно приходила делать уколы. Динга, видя, как та заправляет шприц, устремляла на нее умоляющий взгляд: мол, не надо укола. Но никогда не сопротивлялась, понимая, что после укола легче.

Один раз день выдался очень жарким. Много мы с Дингой грибов набрали, устали, а воды нигде не встретили. И вот, наконец, увидели глубокую и широкую канаву с водой (работа мелиораторов). Динга кинулась в воду. Плывет и пьет, плывет и пьет. Но, видимо, в уши попала вода, и у Динги случилось воспаление среднего уха. Как она, бедняжка, страдала! Собралась я ее везти в ветлечебницу, которая была за городом на опушке леса. Хотя Динга была на поводке, кондуктор была неумолима и сказала, что не отправит автобус, пока собака не выйдет. Все пассажиры молчали, а я не могла сказать, что нам

обязательно надо доехать до ветлечебницы. Отстегнула я тогда поводок и проговорила: «Иди, Динуленька, домой, я скоро приеду». И всем на удивление Динга вышла из автобуса, причем, в заднюю его дверь (в то время как зашли мы в переднюю). Проводили ее пассажиры удивленным и сочувствующим взглядом. Кондуктор же сказала: «Я всегда поступаю по правилам».

В ветлечебнице я объяснила, почему явилась без собаки. Меня поняли и дали лекарство, чтобы я вечером закапывала его Динге в ухо. Так ведь диво дивное: хотя Динге была неприятна эта процедура, она все же ложилась по вечерам на пол, и я ей закапывала лекарство. Иногда она ложилась на больное ухо, но я ее переворачивала, а она не сопротивлялась.

Спала Динга в дровянике на старой шубе, где ночью было довольно холодно. А по совету ветеринара голову ей надо было держать в тепле. Только скажу: «Динуля, спать пора», — она идет к двери. На крылечке я повязывала ей на голову платок. Она же сидела спокойно, даже мордочку приподнимала, чтобы мне было удобнее вокруг ее шеи платок повязать. Прохожие с превеликим удивлением смотрели на это.

Разве забудешь такую собаку? Она была намного умнее, добрее и благороднее некоторых людей.

МИШКА И МАШКА

На моем столе лежит ряд фотографий, и на каждой из них — медведи. Двухмесячными медвежатами Мишка и Машка были доставлены в управление Кандалакшского заповедника. Их мать медведица была убита, а сиротенок привезли в ящике и оставили на ночь в кабинете директора. Хотя они были маленькими, но хватка у них была медвежья. Утром комнату нельзя было узнать: оторвав доску ящика, они выбрались на волю и занялись ревизией бумаг и всего прочего. Один из них так и уснул на столе, а другой — на диване. Первое время были злыми, недоверчивыми, к ним нельзя даже было руку протянуть. Охотники, что привезли медвежат, предложили сделать из них чучела для своего музея. Но научные сотрудники пожалели малышей и стали их воспитывать. Об этом мне рассказала научный сотрудник Евгения Владимировна Хлызина. Людское добро победило, и косолапые с каждым днем становились миролюбивее. Даже стали разрешать себя погладить.

На первых порах их кормили молоком, манной кашей, супами. На десерт медвежата получали что-нибудь вкусненькое, сахар, сыр, конфеты или яблоки. Пока они ели, производилась уборка помещения.

Мне доводилось наблюдать, как воспитатели занимались с ними. По их команде на была одна на двоих, то радостная возня и купание заканчивались тем, что посуда оказывалась вверх дном. Мишки повзрослели. Угощение они брали у всех, но слушались только своих вос-

питательниц — Тамару Визир и Евгению Хлызину. С этими научными сотрудниками я подружилась, будучи в длительных командировках в Кандалакше. От них я узнала многое о медведях и других обитателях заповедника.

Для медведей соорудили вольер, около которого всегда были зрители — ведь мишки стали всеобщими любимцами.

Однажды, один мальчик, осмелев, просунул ногу между прутьями вольера. Так один из мишек, защищая территорию мгновенно цапнул его за ногу, ободрав от колена до ступни. После этого случая директор заповедника Б. Кестер принял решение: во избежание несчастных случаев надо убить медведей. Воспитательницам было невыносимо жаль своих любимцев. Поднялось в их защиту и население города. Я тоже написала на листе бумаги свое мнение: «Не убивайте мишек!» и вывесила на вольере. Мишкам жизнь сохранили, а вольер обтянули железной сеткой; к зиме в помещении, к которому примыкал: вольер, устроили берлогу, но продолжали кормить медведей.

Однажды с научным сотрудником Хлызиной Евгенией Владимировной на маршруте случилось несчастье: упала со скалы и сломала позвоночник. Очень долго пролежала в больнице. А Тамара Визир была в отъезде. В клетку к медведям, а они к тому времени стали уже большими, никто зайти не решался: открывают дверь, поставят ведро с кормом и опять закрывают. Так Мишка, пока сам не насытится, бывало, сестренку

Машку из берлоги не выпускает. Она, бедняжка, так ослабела от недоедания, что уже к весне ходить не могла.

Приезжаю в очередную командировку и — к своим любимцам спешу. Маша могла только ползать, на задние лапы вставать, уже была не в силах.

Я ежедневно носила ей витаминное угощение. Как только увижу, где чуть-чуть начинает появляться из земли зеленый росточек, я тщательно собираю; даже миллиметровую частичку травинки так аккуратно с моей руки слизнет язычком. Из детсада приносили апельсины попорченные — и все ей. Машу все жалели, не только я.

Наступило полярное лето. Солнце круглые сутки светит. Народ всегда толпился около медведей. А они, как только приносят им еду, садятся на задние лапы, миски с едой им ставят между лап, а они берут еду передними лапами и едят. Потом по команде «Попляшем» встают на задние лапы и крутятся вокруг своей оси и так забавно подпрыгивают, а сами посматривают на свою кормилицу; что же у нее еще для них есть вкусенького? А было всегда или яблоко, или морковка. Мишка тот был честнее, а Машка могла — исподтишка и в карман залезть и сама морковку вытащить.

Однажды мы с сотрудницей пришли навестить их, народу было у вольера много, а в вольере воспитательница делала уборку. Дверь на улицу была открыта. Машка внезапно выскочила и давай бегать по улице от одного крыльца к другому, не обращая малейшего внимания на людей.

Люди оцепенели, боятся шевельнуться. А Мишка из клетки не вышел, топчется около воспитательницы. Та и говорит: — «Миша, зови Машу домой». Мишка встал на задние лапы и во весь голос рявкнул так, что некоторые отшатнулись. А Машка продолжает носиться на свободе, добежит до крыльца, подпрыгнет, в воздухе сделает поворот на 180 градусов и мчится обратно, да так быстро, ловко, а как услышала Мишкин голос, остановилась напротив вольера, постояла несколько секунд и ... озорно так помчалась опять к крылечку. Пока не набегалась, не могли звать ее ни Мишка, ни воспитательница. А потом сама добровольно зашла к себе в клетку.

Однажды пьяный мужик явился к сетке с папиросой, а Мишка подумал, что он с гостинцами, доверчиво подошел вплотную. Мужик как пустит дым прямо Мишке в «лицо». Тот мгновенно лапой со всей силы мужику по морде — раз — тот мгновенно исчез.

А еще запомнился такой случай. Попался мне незрелый арбуз. Половину я съела, вторую понесла своим четвероногим друзьям и корки тоже. Прихожу — народу полно. Машка в дальнем углу, а Мишка рядом. Ну, я Мишке и дала корки. Смотрю, с каким удовольствием он их уплетает, аж самой завидно стало. А Машка была занята с другими гостями. Но до чего внимательна! Я не сразу поняла, кто меня к сетке подтягивает, но было странно, что тянут молча, за сумку. Оказалось, это Машка. То ли запах арбуза учуяла, то ли узнала меня, не знаю, но хитрюга протянула свою лапу из-под сетки, между полом и железными прутьями, дотянулась до меня, и зацепив когтем замою сумку, молча, медленно, но упорно

тянула меня к себе. Я удивилась, какая длинная у Машки лапа, она ее просунула до самого плеча. Я ей кричу, стыжу ее, а она совсем не реагирует на мои слова, тянет и тянет меня с заветной сумкой к себе. Я бью ее по лапе, ругаюсь, а она не отцепляется никак. Дотянула до самой сетки. Тут я стала отцеплять с ее когтищ сумку. Едва отцепила, но на новой моей сумке осталась дыра и одна ручка оказалась оторванной. Машка тут же потеряла ко мне интерес и отошла в сторону, к другим посетителям. Я сумку спрятала высоко между сеткой и стеной, потому что мне надо было этот арбуз поделить, чтобы и Мишке досталось. Наблюдаю за проделками Мишки, но вдруг смотрю, Машка как пуля, несется через весь вольер и — прямо в тот заветный угол, где я спрятала свою сумку. Но у меня тоже откуда-то появилась прыть, я мгновенно рванулась туда же и успела. И еще раз убедилась, насколько эти звери внимательны, стремительны, точны в движениях. А арбуз все же поделила пополам, так что Миша и Маша остались довольны.

Александра Смирнова

РЫЖАЯ ЛОШАДКА

Мне одна из детства дорога картина:
Рыжая лошадка возле магазина.
До весны неделя, солнце светит ясно,
На тяжелом снеге мерзнет корка наста...
Хлеб возьмет лошадка мягкими губами,
Пахнет рукавичка сеном и цветами.
Саночки из досок, а в ногах - солома.
Ветер режет щеки, и не ждите дома!
Вылетели в поле, лай собак за нами,
Прядала лошадка чуткими ушами...
Так охота верить, что лошадка где-то
Все еще катает саночки по свету...

Анна Смирнова

РУКА, СНИМАЮЩАЯ БОЛЬ

Только солнце одно на свете!

Только мама одна на свете!

Лилась, но застыла при полной луне
Боль... Чувствую каждую клеткой,
Я с нею сроднилась даже во сне.
Как умело ранят, как метко...

Прячу боль от людей. Уж лучше пусть
Я для всех, не бывающая в слезах,
Не знающая даже слова «грусть»,
Не видящая тревогу и страх...

А когда нестерпима мне будет ночь,
И от боли станет так горячо,
Что решу, наконец-то, себе помочь,
Я к маме приду и уткнусь ей в плечо...

Ах, какие же теплые руки
У ласковых наших мам,
Я с детства не знала муки
С приравненной мною к богам!!!

ОБ АВТОРАХ

Нина Николаевна Баруздина

Родилась 11.10.1939 г. в г. Кировске Мурманской области. Окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт, работала в сельском хозяйстве. Печаталась в кадуйском альманахе «Семизерье» и районной газете «Наше время».

Владимир Николаевич Борисов

Родился в 1939 году, в Ленинградской области. В Кадуде живёт с 1976 года. Работал на Череповецкой ГРЭС. Более 50 лет сотрудничает со средствами массовой информации. Активный член литературного объединения «Семизерье». Печатался во всех выпусках альманаха. Постоянный участник концертов, фестивалей и праздников художественной самодеятельности. Солист народного хора Кадуйского ДК.

Татьяна Васильевна Гоголина

Родилась 26 декабря 1946 года в Кадуде в семье лесоводов. Образование высшее. Специальность – инженер лесного хозяйства и озеленитель, кандидат сельскохозяйственных наук. «Дедушкин лес» - первая детская книжка, вышедшая в 1990 году.

Татьяна Васильевна автор многих ми-

ниатюрных изданий, раскрывающих красоту родной природы, воспитывающих бережное отношение к ней, ведет большую экологическую, поисковую работу, приобщает к ней детей.

Марина Гусева

Родилась в деревне Ливлево Белозерского района Вологодской области, закончила пединститут. Живет в поселке Кадуй Вологодской области. Девять лет работала как председатель литературного объединения «Семизерье». В разное время печаталась в периодических изданиях со стихами и прозой: в районной газете «Наше время» и кадуйском альманахе «Семизерье»; в череповецком журнале «Окраина»; в вологодских изданиях «Красный Север», «Вологжане улыбаются», «Мезон», «Автограф», «Свеча», «Нахаленок», «ЛАД», «Чудь»; в С.-Петербургском сборнике «Ижорские берега»; во всероссийский журнал «Веселые картинки»; в международном проекте сказок – «Ах, если бы», в белорусском журнале «Воскресенье», в электронных альманахах выступала на районном и областном радио. Вышедшие книги: «Несостоявшийся рассказ» - сборник прозы для взрослых, «Бабье лето» - сборник стихов для взрослых, «Котик – Обормотик» - сборник стихов для детей, «Загадки» - сборник стихов для детей. С 1993 года является членом Кадуйского лит – худ. объединения «Семизерье».

С 2007 года - член СРП.

С 2012года - член редколлегии литературного портала «BRAYLLAND» (интернет – издание международного творческого объединения детских авторов).

Странички в интернете:

<http://www.stihi.ru/avtor/aniram256> (стихи);

<http://www.proza.ru/avtor/aniram256> (проза);
<http://www.bravlland.com/index.php/kabinet>
(«BRAYLLAND»).

Александр Дёшин

Родился в 1955 году, коренной житель Кадуйского района. Образование высшее, почти тридцать лет проработал в правоохранительных органах. Печатался в альманахах «Семизерье», «Ижорские берега», «Колпница», выступал на кадуйском радио и телевидении. Издал книгу стихов «А я по правде жить хотел» (Москва, 2017 г.).

Наталья Иванова-Писарева

Родилась в 1952 году в деревне Починок Кадуйского района. Живет в поселке Хохлово. Печаталась в альманахах «Семизерье».

Александра Козырева

Александра Михайловна родилась в 1944 году в Харовском районе, ст. Семигородняя. Закончила Вологодский педагогический институт, физико-математический культет. В Кадуе живёт с 1979 года. Почти 40

лет отработала в училище (сегодня - энергетический колледж), 33 года была заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Отличник народного образования. Стихи пишет давно. Печатается в районной газете "наше время", в альманахе "Жить и помнить"

Ульяна Королёва (Сотникова)

Родилась и училась в п. Кадуй. Стихи пишет с детства. Первые стихи были опубликованы в поэтическом сборнике "Первый луч", изданным литературно-поэтическим клубом "Рифма" Кадуйской детской библиотеки, сборнике "Семизерье" литературного объединения Кадуйской районной библиотеки. Живёт в г. Череповец. Ульяна руководитель Творческого Объединения "Шесть ветров" и активный участник в общественной жизни города и области. О себе говорит так: "Я очень люблю жизнь и шагаю вперёд только с улыбкой. Я твердо верю в то, что какова бы ни была тяжела дорога, нужно отбросить сомнения прочь и идти, особенно если это дорога к заветной мечте".

Валерий Кузьмин

Родился в г. Харовск в мае 1952 года. В 1969 году закончил Харовскую среднюю школу. Всё его детство прошло в родном городе, там родились его первые строки. С 1978 года жил и работал в Кадуе инженером радиорелейной связи на телевышке.

Печатался во всех выпусках альманаха

«Семизерье», в областном журнале «Вологодский лад», в альманахе «Ижорские берега» (Колпино), в литературных альманахах «Созвучье» (г. Харовск), поэтическом сборнике «Тополиный мой город неброской красоты», в районной газете Харовского района «Призыв», в Кадуйской районной газете «Наше время».

Ушёл из жизни скоропостижно 14 января 2015 года.

В 2016 году посмертно вышла первая книга его стихов «Мне бы успеть за солнцем».

Мария Маркова

Родилась на Чукотке в семье геологов-разведчиков, в раннем детстве переехала в Вологодскую область, в посёлок Кадуй. Писать стихи начала с 14 лет. Занималась в литературно-поэтическом клубе «Рифма» при Кадуйской детской библиотеке и была победителем областных и региональных поэтических конкурсов. Член литературно-поэтического объединения «Семизерье» Кадуйской районной библиотеки. Публикуется в альманахах «Семизерье» с 2000 года. Финалист «Илья-премии» 2005 года. Автор поэтических книг «Упоение» (2005), «Мед-червоточина» (2007).

С 2008 года живёт в Вологде. Окончила филологический факультет ВГПУ.

Член Вологодского отделения Союза российских писателей с 2008 года. Участница литературных фестивалей «ЛОГО-рифмы» (Ярославль), «Плюсовая поэзия» (Вологда) и других, неоднократный дипломант Международного Волошинского конкурса. В 2011 году М. Маркова стала обладателем премии Президента РФ для молодых деятелей культуры 2010 года с

формулировкой «за вклад в развитие традиций российской поэзии».

«Стихи М. А. Марковой отличаются редкой чистотой поэтического голоса и не менее редкой в наше время незамутнённой лирическим чувством. В поэзии М. А. Марковой присутствует сильный лирический характер, определяющий собственный взгляд на мир и отстаивающий собственные нравственные приоритеты. Её поэтическая сосредоточенность выгодно выделяет её в общем литературном ряду. М. А. Маркова – одна из самых серьёзных и перспективных фигур нашей молодой поэзии» – сообщалось на сайте Президента.

В издательстве «Воймега» вышли сборники стихов Марии Марковой «Соломинка» (2012 г.) и «Сердце для соловья» (2017 г.).

Наталья Николаевна Миняева

Родилась в селе Сергиевск Саратовской области. После окончания Куйбышевского института электросвязи, по распределению попала на Вологодчину. Здесь отработала более тридцати лет в системе связи. Мы давно считаем Наталью Николаевну кадуйчанкой, у неё дом в деревне Уйта, где она живёт с апреля по ноябрь и занимается большой краеведческой работой. Она человек с активной жизненной позицией: пишет книги о кадуйских деревнях, организует праздники, создала музей в д. Капчино, инициатор и отличный организатор многих благих дел на кадуйской земле. Печаталась в альманахе «Семизерье».

Валентина Пантюшина

Родилась в 1924 году в Бабаевском районе, жила и работала в Мурманской области. В 1979 году, выйдя на пенсию, переехала в Кадуй.

Валентина Павловна была человеком с активной жизненной позицией: она вела кружок с детьми по работе с природным материалом, солировала в народном хоре и, главное, занималась литературным творчеством.

ством.

Она автор нескольких прозаических книг, многократно печаталась в районной газете, альманахе «Семизерье» и других изданиях.

Скончалась в 2009 году.

Александра Смирнова

Родилась 31 октября 1988 г. Закончила отделение журналистики филологического факультета ВГПУ. Стихи начала писать, работая в районной газете "Маяк". В настоящее время работает педагогом в Центре

детского творчества.

Анна Смирнова

Родилась и выросла в п. Кадуй. Закончила ВГПУ по специальности "Учитель музыки". Стихи начала писать в 13 лет. В 2006 и 2009 годах выпустила два стихотворных сборника, готовит к выпуску третий. С 2008 года педагог дополнительного образования в Центре детского творчества п. Кадуй. Руководитель театра детей и молодежи с ОВЗ "Радуга". Трижды номинант Международной премии "Филантроп".

СОДЕРЖАНИЕ

Нина Баруздина

Лисичкин гостинец.....	3
Леденцы.....	4
Семечки.....	5
Пряники.....	8

Владимир Борисов

Про клюкву. Стихотворение.....	9
Легенда о болотном царе Пятуне и его дочери.....	10

Татьяна Гоголина

Дедушкин лес.....	13
Стихотворения.....	35

Марина Гусева

Худой мир.....	37
Кукушонок.....	43
Липочка.....	48
Полёт.....	56
Нежить.....	61
Стихотворения.....	75

Александр Дёшин

Пленник нашего детства.....	87
Стихотворения.....	95

Наталья Иванова-Писарева

Стихотворения.....	98
--------------------	----

Александра Козырева	
Стихотворение.....	103
Ульяна Королёва	
Стихотворения.....	104
Валерий Кузьмин	
Стихотворения.....	106
Мария Маркова	
Стихотворения.....	113
Наталья Миняева	
Преданность.....	118
Валентина Пантюшина	
Динга.....	123
Мишка и Машка.....	140
Александра Смирнова	
Стихотворение.....	145
Анна Смирнова	
Стихотворение.....	146
Об авторах.....	147

СЕМИЗЕРЬЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Литературный альманах

Книга вторая

Кадуй

2018
